

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

Т Е Н Ь Л О Г О В А

ВЗГЛЯД
СО ДНА

Тень Логова

Юлия Лавряшина

Взгляд со дна

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Взгляд со дна / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2022 — (Тень Логова)

ISBN 978-5-04-173792-4

Артур Логов привык ни к кому не привязываться и быть верным только работе — едва ли не каждый день он сталкивается с жестокими убийствами, которые ему приходится расследовать. Артур все время идет по кровавому следу. В его жизни все меняется, когда он встречает Оксану и влюбляется в нее как школьник. Но может ли их история закончиться счастливо? Артур ввязывается в новое дело, еще не зная, что Русалка уже вышла на охоту... Кто станет его тайным помощником? «Взгляд со дна» — это увлекательный психологический детектив с проработанными персонажами. Писательница Юлия Лавряшина создает такую атмосферу, в которую легко можно погрузиться с головой. Повороты сюжета непредсказуемы, и читатели могут следовать за Артуром Логовым в поисках жестокого убийцы, который оказывается всегда на шаг впереди. Или почти всегда?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173792-4

© Лавряшина Ю. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юлия Лавряшина

Взгляд со дна

Редактор серии В. Горюнова
Оформление серии Е. Петровой

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Africa Studio, Praew stock / Shutterstock.com;

Во внутреннем оформлении использована фотография:

© WildlifeWorld / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Лавряшина Ю., 2022

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Часть первая

Когда убивают твою маму, детство обмирает мошкой в янтаре и с каждым днем неудержимо ссыхается, становясь все меньше, чтобы однажды ты не смогла различить его совсем. Тогда и боль уйдет. Возможно... Только мне еще долго брести до той минуты просветления, в которой прошлое станет неразличимым и солнечный мамин смех затихнет навсегда, перестанет будить меня в пустой квартире: «Сашка, любимочка моя, проснись...»

А ведь тот майский день обещал быть легким, как дрожащий луч, просочившийся сквозь тонкую щель вертикальных жалюзи. Он щекотал пылинки, и они кувыркались в воздухе, хихикая так нежно, что грубое человеческое ухо не улавливало невесомые звуки. В потоке света шла своя увлекательная жизнь. Я наблюдала за ней, проснувшись, но лишь чуть-чуть приподняв веки. Не было никаких зловещих знаков... Как можно было догадаться, что маме остается жить несколько минут?

Этой ночью ее голос еще вспыхивал в углах, притворяясь лунными отсветами, шелестел широкими листьями старого тополя, который обкорнали прошлым летом до состояния столба, и мама горевала вместе с ним. А весной дерево упрямо зазеленело – надо ли говорить, что у нас дома был праздник по этому поводу? Мы выпили буквально по глотку вина (мама разрешила мне впервые!), но этого хватило, чтобы эйфория закружила нас по комнате, за окном которой упрямо выживал тополь.

А мама не выжила.

Она была единственным человеком, не замечавшим того, какое круглое и смешное у меня лицо с шариком носа и выступающим подбородком. Ей все во мне казалось ужасно милым... Даже вечно торчащие в разные стороны светлые перья вместо волос и рост щуплой

девочки-подростка. У нее волосы были медовыми, густыми, они стекали по плечам, одним видом даря сладость. Моей сестре достались такие же...

Но мама любила меня. Уж не знаю – за что... Она первой вывела меня на сцену, решив, что нечестно в одиночку любоваться тем, как я, еще не научившись говорить, танцую посреди гостиной, набросив на плечи ее невесомый шарфик. Он был зеленоватого цвета, я помню. Как и мамы глаза... Они светились юной весенней листвой, когда она смотрела на меня. На мою долю выпало счастье, о котором миллионы и мечтать не смеют: меня любила лучшая женщина в мире.

Без нее я в нем просто потерялась... День засорен дурацкими действиями, которым я не отдаю отчета. Ловлю себя на том, что макаю чайный пакетик в пустую чашку... Мажу кусок хлеба маслом, которое даже не достала из холодильника... Вода бьется о раковину, но я не могу вспомнить, зачем повернула кран...

Зато мои ступни до сих пор помнят покалывания ворсинок темно-синего с песочными узорами ковра, тогда еще совсем нового. Его купили специально, чтобы не холодно было играть на полу. Я не забыла и свои игрушки: резинового жирафика, почему-то красного, я отгрызла ему рожки, когда чесались десны; пластикового снеговика с глуповатой физиономией; целую стаю песиков разных мастей и размеров – может, из-за них я так люблю собак? Но я не помню отца... Где он был в такие минуты? Почему не смотрел мои «выступления» вместе с мамой? В те годы он ведь еще жил с нами в этой квартире, в которой мама родилась и провела всю жизнь...

Говорят, человеку свойственно забывать самое тягостное. Похоже, моя память избавилась от них с Машкой, чтоб я выжила в этой бесконечной чугунной трубе, по которой ползу из последних сил, почти не веря, что впереди ждет выход. Что мое сиротство не погасило солнечный свет... И мои младшие подруги все так же выходят на сцену нашего Центра детского творчества, дрожа от восторга, звучащего в аплодисментах.

Я больше не смогу заставить себя сделать это. Да и поздно, детство кончилось. Умерло в муках.

Главные роли мне не доставались, я всегда была на подхвате. И не получала дипломов на олимпиадах, даже школьных, не говоря уж о городских. Мальчишки не приглашали меня в кино. Ни разу. Мама до последнего оставалась единственным человеком в мире, который видел во мне что-то особенное.

Теперь я просто перестала существовать для человечества: оно не замечает меня.

Нет, один человек меня не бросил: Артур таскает мне пакеты с продуктами и оплачивает коммунальные услуги, ведь я ничего в этом не смыслю. Было бы проще, если б он остался в нашей квартире, как частенько бывало при маме, но я понимаю, как это будет выглядеть в чужих и недобрых глазах: юная, хоть и страшненькая, девушка и взрослый мужчина, от лица которого никому не удастся сразу отвести взгляд. Вряд ли такому человеку, как он, захочется портить ради меня репутацию... Артур ведь даже приемным отцом не может считаться – они с мамой так и не поженились, хоть и говорили об этом постоянно. Им хотелось придумать нечто сногшибательное: обвенчаться на вершине Джомолунгмы или на дне Марианской впадины. Поэтому до свадьбы не дошло...

Что Артур Логов распутывает убийства, я узнала не сразу. В первый вечер мне хватило того, что моя мама, излучающая солнечное тепло, сразу померкла на фоне его не то чтобы классически правильного, но невероятно обаятельного лица, слегка выющихся темных и густых волос и ясных серых глаз, в которых часто мерцала ироническая усмешка. А иногда их взгляд становился почти детским, трогательным до того, что сердце сжималось.

Мне стало не по себе от мысли, что Артур будет затмевать мою маму, где бы они не появились вместе. Я так и не узнала, опасалась ли того же она сама... Мы не обсуждали этого.

Разве можно сказать сорокалетней женщине, что она уже не так хороша для мужчины с подобным лицом? Это ранило бы ее на всю оставшуюся жизнь...

Тогда я еще не догадывалась, что этой жизни оставалось несколько месяцев. Но если б мне и достался от природы дар предвидения, я тем более не раскрыла бы маме правду: она ведь была так счастлива в этот неполный год с Артуром Логовым. Она даже двигаться начала так, будто исполняла танец под музыку, слышную ей одной.

Все портил только отец, который звонил ей чуть не каждый вечер и орал в трубку:

– Оксана, ты с ума сошла? Еще мента в нашем доме не хватало!

Или что-нибудь в этом духе...

Иногда мама срывалась и кричала в ответ, что это уже не его дом и нечего совать свой длинный нос... Она же не указывает ему, как мерзко притаскивать девчонок из клуба, зная, что под одной крышей с ними живет его дочь, которая старше некоторых из них.

В остальное время мама почти не говорила о Маше, после их развода решившей жить с отцом в том загородном доме, который он только что достроил. Я там даже не успела побывать...

Но чаще мама отвечала по телефону достаточно ровным и почти ласковым голосом:

– Сережа, а какое твое собачье дело?

Думаю, это бесило отца еще больше. А меня задевало то, что мама сравнивала его с собаками... Они куда лучше!

Теперь мои родители больше не достают друг друга...

Уже без мамы наступило очередное утро, в котором больше нет света. Я не отличила бы сегодняшнее от вчерашнего – та же серая муть за окном. Жаркий май вечерами исходит слезами вместо меня, я не плачу... Окаменела вместе с детством, которое больше не с кем будет вспомнить, потому что мама была для меня единственным родным человеком.

«Вернись! – Мое горло уже саднит от вопля, который я не выпускаю наружу. – Как мне жить без тебя?! Вернись, мам... Я не смогу. Без тебя никак».

Тот, кто убил ее, и меня вышвырнул из числа живых. Вчерашние подруги испуганно разбежались от меня как от прокаженной: а вдруг беда заразна? Только один случайный знакомый в Сети, некий Умник, продолжает выходить со мной на связь, но что он знает обо мне настоящей? Попробуй отыщи в Москве девушку без адреса...

Кто хватится меня, если я и вправду исчезну?

Может, лишь тот, кто относится ко мне лучше, чем родной отец, ведь моя мама любила его. Я много раз замечала, как розовело и начинало светиться изнутри ее лицо, когда Артур приходил к нам. И видела его глаза, когда мы стояли в морге их Следственного комитета по обе стороны от маминого тела. В его взгляде была такая тоска... точно погибло все человечество и Артур остался один на планете.

От ярости они потемнели позднее. В тот день его отстранили от расследования – личная заинтересованность могла помешать. Когда он сообщил об этом, мне показалось, у него сейчас взорвется сердце...

Из морга я вынесла в себе такой холод, что потом часа полтора пыталась согреться в ванне, то и дело подливая горячей воды. Но лед был прочнее, он не желал таять, не вытекал слезами. Я не стала закрывать дверь на замок – не была уверена, что мне не захочется остаться в этой воде навсегда. По-другому разве станет легче?

Даже думать не удавалось... Все во мне точно свело судорогой, мозг в том числе. Я чувствовала себя дауненком-переростком, который развлекается так, как может... Кому какое дело до того, что он уже совершеннолетний? К этому возрасту обычно уже забывают, что если опуститься в воду по ноздри и поднести руки к самой поверхности воды, вытянув кисти вдоль

нее, то они станут плоскими, тонюсенькими, а пальцы удлинятся так, что любая пианистка позавидует.

Но стоит повернуть их и поставить перпендикулярно той же самой поверхности, как увидишь пальцы-колбаски. Жирные и противные лапы лавочника, привыкшего считать барыши. Никакой музыки...

Без мамы вообще ничего.

Неделей ранее...

– Да какого черта!

Спустя несколько дней Артура Логова внезапно обожгло: если б тогда в момент пробуждения он не помянул черта, все сложилось бы иначе. И мрачноватое дело, которое он расследовал, никак не коснулось бы его жизни, только-только наполняющейся радостью. Это ведь должно быть порознь – работа и судьба. Так и было всегда. А на этот раз все неожиданно смешалось, застигнув его врасплох. И он растерялся...

Точнее, едва не растерялся.

Но всего этого Артур не мог предчувствовать в то воскресное утро, когда Разумовский разбудил его звонком. Знакомый звук прорезал сон, и тот сразу распался на части, каждая затерялась в памяти. Где он только что был? Почему так не хотелось возвращаться оттуда? На секунду блеснуло теплое море, в котором он гонялся за дельфинами, но мгновенно отхлынуло, обнажив пустошь спальни.

Что с ним происходило этой ночью? Его сны всегда были историями. Чаще напряженными, с интригой, как будто ему этого в реальности не хватало! Но в сон Артур уходил с удовольствием, как будто устраивался поудобнее в кресле кинотеатра: «Сейчас начнется!» Было обидно, что сегодняшние приключения уже не вспомнятся. Можно было и не всматриваться вслед новым улыбчивым друзьям, которых стремительно уносило к горизонту...

Вот о чем он подумал в момент пробуждения. Досада стала первым ощущением того дня.

Спросонья Артур не сразу нащупал телефон на полу возле кровати – специально клал туда, чтобы не уронить, если поднимут среди ночи. Пальцы корябали шершавое ковровое покрытие, отыскивая гладкую поверхность. У него же был выходной, и он собирался увезти Оксану подальше от Москвы – на то озеро, куда в детстве ездил с родителями, пока они были живы. Купаться еще рано, конечно, май на дворе, но хоть посмотреть на воду, охотно вбирающую тяжелые мысли людей, ищущих у нее помощи... Море потому и приснилось, что мечтал о воде? А дельфины? Это Оксана с Сашкой?

После смерти родителей – почти двадцать лет! – Артур не ездил туда ни разу. Не находилось в его жизни человека, которому он мог позволить ступить на мелкие камешки, хранившие следы его матери и отца. Оксана стала первой. Единственной.

Сашка отказалась составить им компанию, скривила мордочку:

– Что за стариковские развлечения?!

«Умная девочка», – он похвалил ее взглядом.

Ясно же было: прикинулась вединой, чтобы мать не потащила ее с собой и посвятила этот день себе. И ему.

Саша в изнеможении закатила глаза: «Чертов сыщик! Ничего от него не скроешь...»

Они отлично ладили с младшей Оксаниной дочкой. Ему нравилось легкое и шутовское отношение Сашки ко всему на свете, включая и саму себя.

– Я, конечно, страшила, – заметила она как-то, надевая перед зеркалом кепи. И ухмыльнулась: – Но миленькая же?

– Самоирония, мадемуазель, служит вашим лучшим украшением, – с поклоном отозвался Артур без малейшей паузы, в которой девочка могла расслышать сомнение. И добавил уже серьезно: – В восемнадцать лет я точно влюбился бы в тебя.

Сашка блеснула глазами и сморщилась:

– Фу! Слышать такое от старика...

– Но миленького же? – откликнулся он ей в тон.

Вытирая ножи, Оксана выглянула из кухни, откуда еще не выветрился кофейный дух, лезвие поймало солнечный отсвет, перебросило на соседнее.

– Жаль, что вы оба москвичи... А то были бы две сибирские язвы!

Сашка крикнула уже с порога:

– Мам, он годится в отцы, я согласна!

И выскользнула за дверь: «Все, я ушла».

В расширившихся от изумления зеленых глазах Оксаны заблестели искорки счастья:

– Господи... Она действительно это сказала? Или мне послышалось?

– Мадам, вы сомневались, что я очарую вашу дочь?! Обижаете!

В тот момент Артур забыл добавить «младшую», словно другой и не было. Машу за этот год он видел всего пару раз...

– Подъем. Ты нужен. – Разумовский тяжело закашлялся в трубку.

Пришлось отстранить телефон от уха. Уже все было ясно, и шелест мелких озерных волн обреченно стихал вдали следом за морскими. Никуда они сегодня не едут...

– У меня выходной.

– А у меня склероз, по-твоему?! Если бы могли обойтись без тебя, не позвонил бы...

Потолок набряк серой тоской и опустился на два с половиной метра – больше и не требовалось, чтобы комната превратилась в кирпичный гроб.

«Я замуровал себя в этой чертовой работе», – признал Артур с раздражением, заранее зная, что ничего не станет менять. Даже ради Оксаны... И это ощущение безнадеги – минутное. А, едва отбросив одеяло, он опять станет поджарым гончим псом, готовым идти по следу, забыв о пище и воде. Ну, образно говоря... Поесть-то Логов не забывал. А его живой водой сейчас была Оксана, от которой он уже отказался в ту секунду, когда ответил Разумовскому:

– Сейчас буду. Как же без меня-то...

– Ты там уйми сарказм! – буркнул Разумовский. – Жду.

Показалось, или телефон хрустнул в руке? Хотелось засадить им в стену, чтобы все приказы осыпались за письменный стол, стоявший напротив кровати. Там много чего валяется, руки до уборки не доходят. В его доме давно не было женщины... Оксана ни разу не оставалась ночевать, ей было неловко, да и жалко бросать Сашку – вдруг ей станет страшно ночью?

– А ничего, что твоей нежной лялечке уже восемнадцать? – поддевал он, но Оксана отмахивалась обеими ладонями:

– Это ж только по паспорту! Она совсем ребенок еще... И не нападай на мою девочку.

На самом деле ей тоже было понятно, что Сашка почти сразу стала его союзницей. И Оксана это нравилось.

– Ты напоминаешь ей Алена Делона в тех старых детективах, где он мрачный и умный, – как-то пояснила Оксана, посмеиваясь.

– Я вообще не мрачный! Но умный, это да...

Она коснулась его макушки:

– Только у тебя волосы чуть вьются, а у него нет.

– Это наследие моего прадеда-еврея... Откуда этот ребенок знает Делона?

– Сашка смотрела фильмы с ним в оригинале – практиковалась в французском. Потом забросила его.

– Бедный старик Ален...

– Французский забросила! Решила, что произношение у нее ни к черту. И лучше не станет...

– Она чересчур строга к себе.

– Не то слово! Вот правда: не знаю, лучше это самоуверенности или хуже? Машка-то никогда не страдала от комплексов, ее еще тормозить приходилось, чтобы не воображала себя владычицей морской.

– Она – такая?

Но в ее глазах уже пульсировали крошечные знаки: «Стоп! Не говори о ней ничего». И Артур быстро менял тему:

– Оксана Викторовна, примите меры, ваша Саша на меня наговаривает. Разве я такой рафинированный, как Делон? Я же вылитый мачо!

Она охотно откликнулась улыбкой:

– И самый искрометный мужчина в моей жизни!

– И язык у меня подвешен, разве нет? У того сыщика, которого играл Делон, было по три фразы текста на каждый фильм...

– А ты у меня такой болтун! – она откровенно любовалась его лицом. – Красивый и умный. Невероятное сочетание!

– Не такое уж и редкое: ты тоже красивая и умная.

– Среди женщин такое встречается чаще.

– Не может быть. Ты одна такая...

«Я женюсь на ней, – решил он, небрежно заправляя постель. – И тогда черта с два кто-то посмеет отобрать у меня выходной! Я стану семейным человеком. Даже с ребенком».

Правда, Сашка уже не особо тянула на младенца, а Оксана больше не собиралась рожать: в сорок-то лет? Не смешите мои тапочки! Артур и не настаивал, ему никогда особо не мечталось о наследнике, и чужие младенцы не вызывали желания потискать и посюсюкать. Да и не до того было...

Поэтому Разумовского нисколько не мучила совесть, когда он срывал Логову выходной – разве его лучший следователь втайне сам не желает именно этого? И нет никаких оправданий вроде «кто-то же должен». Артуру просто нравилось то, чем он занимался, что уж скрывать. Он чувствовал себя живым, когда появлялось дело, способное утянуть его с головой. Все остальное становилось неважным.

Могло ли таковым стать убийство сына известного застройщика Ивана Василенко, насчет которого и звонил шеф, Артур пока не имел представления. Парень отмечал тридцатилетие, напомнил он себе, плеснув в лицо холодной водой и громко фыркнув. Это вполне может оказаться банальной пьяной разборкой... А следователя его класса привлекли только потому, что дело резонансное – журналисты слюной капать будут от такой новости! Если уже не пронюхали... Поэтому Следственный комитет должен изобразить крайнюю озабоченность: «На расследование брошены лучшие силы, дело будет раскрыто с максимальной оперативностью».

Покрошив корм рыбкам, живущим в большом аквариуме, в мире, за которым Артур наблюдал с большим удовольствием, чем за реальным, он наспех соорудил бутерброд из двух кусков хлеба, проложенных кружками салями и пластинками сыра. Впился в него, еще сбега

по лестнице – крошить в машине Логов не любил. А вот грязный нож как орудие убийства колбасы на столе бросил, правда, вспомнил об этом, когда уже захлопнул дверь.

Семи этажей как раз хватило на завтрак... А кофе придется купить по дороге, некогда было варить. Как-то Сашка доказывала, что растворимый пробуждает мозг ничуть не хуже, но Артур так и не решился проверить ее слова. Да и кофейня, куда он обычно заглядывал, сейчас была по пути.

Двор встретил его птичьим гомоном: у подъезда рос высокий круглый куст, облюбованный воробьями. Десятки пичуг ловко прятались в едва позеленевших ветвях и без умолку галдели на все лады. В этой многоголосице слышалось столько радостной любви к жизни, что каждый раз Артур замедлял шаг возле листовяного дома, надеясь впитать немного. Когда изо дня в день имеешь дело с трупами, годится любая подзарядка. У воробьев энергии не занимать, от них не убудет...

Он отломил хлеба и быстро покрошил на вытоптаный пяточок. На мгновение куст затих. Отойдя, Артур оглянулся: живые мячики уже всюю скакали, собирая крошки. Его губы расплзлись усмешкой: «Эти ребята не пропадут». И погрозил пальцем узкомордому коту, похожему на сфинкса:

– Только попробуй!

Хотя коты ему нравились – их жизнь всегда раздирали страсти. Однажды эти зверюги ввели его в заблуждение: почудилось, будто за мусорным баком плачет младенец. Была зима, и у него стыло обмерло сердце: «Погибнет!» Решение созрело мгновенно: нужно забрать ребенка домой, пока не окоченел на земле. Оставить себе? Это невозможно. С его-то работой? Его дому, конечно, не хватает детского смеха и плача... Жизни не хватает. Но...

В несколько прыжков Артур добрался до зеленых облупленных баков и увидел выгнувших спины котов, с упоением оравших друг на друга. Всклипнув от смеха, Логов расхохотался во весь голос.

Заскочив в машину, Артур первым делом набрал Оксанин номер.

– Вселенная ненавидит меня... Похоже, и тебя зацепило. В общем, мне так жаль, – пробубнил он в трубку, услышав ее радостное: «Да? Привет!»

Она сразу поняла:

– На работу вызвали?

– Чтoб их... – Артур произнес это с искренней пылкостью, ничуть не наигранной, но все же рассчитанной на то, чтобы Оксана не усомнилась: ему и вправду ужасно жаль.

– Ничего, в другой раз, – откликнулась она мужественно.

Хотя они оба знали, что и в следующий раз может произойти то же самое. Таким уж делом он занимается... Но ему не приходилось напоминать: «Ты же знала», ведь Оксана ни разу не позволила подпустить металл в голос или обиженно умолкнуть на целую вечность.

– Позвони, когда освободишься, – предложила она с той приветливой легкостью, к которой Артуру до сих пор не удавалось привыкнуть.

До знакомства с Оксаной Кавериной он встречал в женщинах лишь отголоски той заботливой теплоты, которую она набросила на него, как прозрачное покрывало – легкое, но защищающее ото всех ветров.

– Люблю тебя.

После этих слов Артур всегда сразу отбивал звонок, точно опасался не услышать в ответ того же. Или не хотел, чтобы Оксана подумала, будто на это он и рассчитывает. Сам еще не разобрался... Как вообще можно о чем-то размышлять, не выпив крепкого кофе?!

Чернявый бариста широко улыбнулся ему:

– Двойной эспрессо, как обычно?

Может, пронюхал, чем занимается их постоянный посетитель, и улыбки подбрасывал как страховочные маты – вдруг пригодится... Не дай бог, конечно! Но, как говорится, не зарекайся...

Артур взял на вынос и опустошил стаканчик, пока возвращался к машине. Было не очень хорошо, что Логов приедет на место преступления на своей «Ауди» – личный транспорт в СК старались не светить, кому нужны проблемы с мстителями-уголовниками? Для этого имелись служебные автомобили, но сейчас заезжать в общий гараж было некогда, Разумовский требовал, чтобы Артур прибыл «еще час назад».

«Ерунда, – сказал он себе, запустив стаканчиком в урну. – Речь о загородной усадьбе, там не будет зевак. Машину можно бросить поодаль, никто и не заметит. Наверняка криминалисты и опера уже на месте...»

Воскресное утро еще не вошло в силу, и Новорижское шоссе оказалось почти свободным. «Ауди» нетерпеливо порывивала, требуя вдавить педаль газа, и он пошел ей навстречу. В крови мгновенно вскипела радость: охота началась! Еще не добравшись до места и ничего толком не зная о новом деле, Артур почувствовал, что оно все же будет интересным.

С чего он взял, что можно слушать интуицию?!

За городом его накрыл запах жизни в ее природном естестве: деревья всех мастей торопились раскрыть навстречу солнцу свои соцветия, ароматы густо смешивались в воздухе. Артур весь обратился в нюх: кровью не пахло.

– Его утопили, – новенький помощник произнес это с той же радостной улыбкой, с какой обычные люди желают доброго утра.

– Выкладывай.

То, что на это дело Разумовский приставил к Логову студента-юриста с большими странностями, которые просто бросались в глаза, могло означать одно: преступление не стоит и выеденного яйца. Хотя Артур предпочитал работать без напарников, поэтому в отделе и подтрунивали над ним, поминая волка-одиночку, еще и фамилия давала повод.

Но насчет этого мальчишки Разумовский договорился заранее:

– Поучи малыша. Он способный. Это моя личная просьба.

Значит, чей-то сынок... Логов скосил глаза: забавный лохматый блондинчик – овал лица совсем юный, румянец во всю щеку. Но это еще ни о чем не говорит... Артур три года охотился за серийным убийцей, который так же легко краснел и потому казался невинным, как гимнастка. На его совести было семь жертв – он ненавидел рыжеволосых девушек, похожих на его старшую сестру, которая и впрямь была мерзким чудовищем, даже вспоминать не хочется, что она творила, пока тот был малышом.

Парня допрашивали после того, как тело сестры по кускам собрали в городском парке. Сам Артур и допрашивал... Прямых улик не было, и хотя алиби казалось слабоватым, но все же имелось, потому убийцу отпустили: он так трогательно краснел и заикался, а подбородок дрожал так жалобно – ну какой из него маньяк?

Этот юристик тоже может оказаться вполне себе крепким орешком, не стоит недооценивать. И даже то, что у него глаза двухлетнего крохи, возможно, лишь видимость. И это было бы хорошо, ведь с неподдельной доверчивостью нечего ему делать в профессии. Пока ведешь дело, доверять нельзя никому, даже жертве...

– У меня стеклянный глаз.

Это парень сообщил первым делом, да еще улыбаясь до ушей. Просто ходячая реклама мыла душистого и полотенца пушистого...

– Черт! – вырвалось у Логова. – Который? Правый или левый?

– А есть разница?

– Еще какая... Прицелиться можешь?

Детская физиономия опять расплылась:

– Даже зажмуриваться не надо...

С этого момента он и начал нравиться Логову:

– Во всем есть свои плюсы, да?

– Ой, у меня полно плюсов!

Артур остановил его:

– Не топи. – Он использовал словечко, заимствованное у Сашки. – Пусть постепенно проявляются.

На самом деле Логов надеялся отвязаться от помощника до того, как выяснится, какие еще части тела у него искусственные. Хоть пацан и с юмором, но работать одному все же привычнее.

Мальчишка попытался сделать серьезное лицо:

– Я просто решил, что вы должны знать.

– И это правильно, понимаешь, – ответил Логов голосом Ельцина.

И понял, что промахнулся – пацан его не узнал. Другое поколение.

Зато на месте преступления помощник оказался раньше его. Интересно... как?

– Утопили, говоришь? Это не ножом пырнуть в драке. Не сгоряча.

– Пойдемте? Тут метров двести...

Артуру показалось, что его помощнику хотелось пуститься по берегу вприпрыжку: он то и дело забегал вперед, потом ловил себя и возвращал на место. Его одуванчиковые волосы развеивал ветер, гулявший вдоль реки – все видел, но ничего не расскажет.

Покопавшись в памяти, Логов делано вздохнул:

– Напомни, как тебя зовут? Не Антошка?

– Никита. Ивашин.

– Запомню.

Мальчишка улыбнулся так благодарно, точно Артур медаль ему на грудь повесил. Верхняя губа у него была коротковата и легко вздергивалась, но зубы парню достались отличные, как и самому Артуру.

«Напарники-улыбашки», – он еле сдержался, чтобы не усмехнуться, а то Никита опять принял бы на свой счет.

– Подстригись, – произнес он строго. – Следователь не должен выглядеть как одуванчик. Даже если он еще не настоящий следователь.

Никита закатил глаза (один?), будто попытался разглядеть, что там у него на голове. Может, и правда не замечал? Это плохо. В их работе без наблюдательности нечего делать. Артур сразу отметил, что студент пытался произвести хорошее впечатление – надел светлую рубашку. Аккуратный – ногти чистые. Но не особо осторожный: сквозь ткань заднего кармана джинсов проступает прямоугольник – или «Тройку» засунул, или, что еще хуже, банковскую карту. Легко стянут в метро... Носит старые растоптанные кроссовки и чуть косолапит, возможно, плоскостопие. Но в армии не служил из-за глаза, конечно. А там научили бы пуговицы пришивать – третья сверху еле держится... Хотя, может, сразу после школы на юрфак поступил. Если башковитый – такой ему пригодится.

– Ладно, подстригусь. – Никита неловко пригладил волосы. – Только лучше не станет. Они вечно торчат во все стороны.

– А ты попробуй.

Артур поискал взглядом Разумовского: «Шеф его первым поднял? Или пацан живет рядом?»

– Ты водишь машину?

Никита с сожалением причмокнул:

– Кто мне права даст? Я на велике...

– Шикарно. Ты в курсе, сколько километров отсюда до Комитета? Со мной поедешь. Велик свой потом заберешь.

– О, круто! У вас классная машина. Сколько лошадей?

Вряд ли его интересовало это всерьез, просто пытался понравиться. Логов отмахнулся:

– Потом. Давай по делу.

Мотнув головой, как лошадь, Никита указал на брошенные на берегу вещи, до которых уже добрались криминалисты. Сверху сиротливо лежал телефон. У Артура вопросительно дрогнули брови: «Странно, даже не последняя модель. Богатый же мальчик...»

– Вот здесь Влад Василенко разделся и вошел в воду, – заговорщицким тоном сообщил Никита, понизив голос.

Артур покосился: да он прямо дрожит весь, как гончая! Первое дело. Или он по жизни такой... легковозбудимый?

Но помощник заговорил спокойнее:

– По ходу, сам вошел. На берегу никаких следов борьбы. Тело обнаружили ниже по течению. Здесь недалеко.

– Еще раз произнесешь «по ходу», и мы распрощаемся.

У Никиты вытянулось лицо:

– Я больше не буду...

Вдоль прибрежных кустов тянулся туман, покрывающий преступление, совершенное ночью, солнце еще не набрало достаточно силы, чтобы разогнать его. Артур не сомневался, что, хоть свидетелей целая толпа, каждый готов подпустить такого же тумана, лишь бы запутать дело окончательно. Нет, им, конечно, просто хочется доказать тривиальное: «Ничего не видел, ничего не слышал!» – и убраться отсюда побыстрее и подальше, чтобы навсегда забыть о кошмаре, посудачив пару дней. Интересно, есть ли среди этих «друзей» те, кто и впрямь станет оплакивать Влада Василенко?

«А стоит ли? Наверняка маленький мерзавчик весь в папу, если б вырос, еще и переплюнул бы», – Артуру самому захотелось сплюнуть, но вокруг было слишком много глаз. Не станешь ведь всем объяснять, что Иван Василенко подсовывал дольщикам голые «коробки» без радиаторов, со стенами тонкими, как папиросная бумага. Живи – не хочу!

Камни под ногами хрустели все громче. Артур незаметно сжал кулак, уже затянутый в латексную перчатку: не злиться! Нельзя позволить досаде за сорванный выходной помутить разум настолько, чтобы завалить дело. Такое с ним уже случилось однажды...

Остановившись над телом, голые ноги которого оставались в воде, Артур коротко бросил криминалисту с говорящей фамилией Коршун:

– Привет, Толя. Чем поразишь?

Но успел удивиться без его помощи: на груди трупа лежала чуть увядшая, но все еще красивая белая лилия.

– Так и было, – шепнул Никита.

– Да уж понял, что не оперативники почтили память...

Коршун выпрямился и угрюмо посмотрел сквозь стекла очков снизу вверх. Высоких мужчин, то есть практически всех в мире, он не выносил, но Логов чем-то необъяснимо нравился ему. Взглянешь – и тянет улыбнуться. Правда, в их работе как раз этому нет места,

потому-то Коршун скрывал свою симпатию даже от самого Логова... Этот следователь и так чересчур уверен в себе!

Артур готов был услышать мрачный гортанный клекот, а новичок, похоже, удивился. Ему ко многому придется привыкать... И не удивляться. По крайней мере, не показывать этого.

– Первичный осмотр показал наличие признаков «влажного» типа утопления. Видишь? – Коршун указал пальцем, обтянутым латексом, на крошечные белесые пузырьки пены, застывшие на губах и ноздрях трупа. – Смерть явно насильственная, на шее гематомы с обеих сторон.

– Его душили.

– Но причиной смерти стало утопление.

– То есть он захлебнулся...

– Наверняка вскрытие покажет вздутие легких и кровоизлияния под легочной плеврой. Если брать за аксиому, что утонул он именно в этой реке, то в легких трупа обнаружатся диатомовые водоросли, характерные именно для этого водоема.

– Когда он умер?

Коршун зловеще гаркнул:

– В полночь!

Потом добавил уже обычным голосом:

– Ну, плюс-минус...

Но Никита уже отодвинулся от него.

Артур кивнул и обошел труп, осматривая со всех сторон. Стараясь не попадаться на глаза, Никита следовал за ним.

– Что с цветком?

Коршун хищно раздул ноздри:

– А вот это любопытно... Поблизости лилии растут только в том месте, где жертва вошла в воду. Добровольно – одежда сложена достаточно аккуратно.

Артур присел, разглядывая стебель:

– Не срезан. Наш герой все сделал голыми руками.

– Если голыми – хорошо...

– Это я образно. Не думаю, что вы найдете ДНК, он явно все спланировал. – Логов поднял голову. – Кто закрыл ему глаза?

Никита испуганно мотнул головой:

– Так и было!

– Если убийца так проявил уважение, тоже мог наследить на веках.

– Проверим, – буркнул Коршун.

– Но когда используют символы, как эта лилия, то обычно тщательно все продумывают, – пояснил он, глядя на Никиту снизу. – Так что не стоит ждать, что он прокололся на перчатках...

– Разумовский идет, – почти не шевельнув губами, предупредил Никита.

Поднявшись, Артур кивнул шефу, который выглядел еще менее выспавшимся, чем он. Похожий на сердитого хомячка, он быстро обежал тело и укоризненно покачал головой. На лице шефа было написано: «Не могли закрыть дело до моего приезда?!»

С Коршуном они были одного роста и потому прекрасно ладили уже не один десяток лет. В отличие от криминалиста, Разумовский не задыхался от бешенства, видя высоких мужчин, а Логов вообще считался в Комитете его любимчиком. Правда, проявлялось это в том, что начальник бросал Артура на самые сложные дела. Это – такое?

– Что скажешь? – буркнул Разумовский, не глядя на Артура.

– Это не спонтанное убийство, – он постарался, чтобы голос звучал ровно. – Подготовленное.

– С чего такой вывод?

– Лилия. Это явная демонстрация. Акта мести или чего-то подобного... Вряд ли преступник сорвал цветок, когда собирался утопить именинника. Выходит, или у него дьявольское самообладание, и он не забыл о лилии сразу после убийства, или сгонял за ней, уже вытащив тело Василенко на берег.

– Ты уверен, что убийца сам его вытащил? Зачем?

– Чтобы нашли. Вся фишка в том, чтобы показать: парень наказан. За что – выясним. Но убийца явно не собирался выдавать его смерть за несчастный случай.

Разумовский вздохнул:

– Ну, ничего не попишешь... Значит, квалифицируем как убийство.

Коротко кивнув, Логов взглянул на стажера:

– Кто обнаружил тело?

– Бабка... Ну, то есть старушка. Рыбачка. Она ждет там. – Никита неопределенно мотнул головой.

В его живом глазу поблескивала мольба об одобрении. Так смотрят собаки, умоляя, чтобы их погладили: «Хозяин, я же хороший? Я все делаю правильно?»

Артур улыбнулся и, на секунду задумавшись, хлопнул Никиту по плечу:

– Ну что ж... Начнем, пожалуй?

Накануне ночью...

– А можешь достать мне звезду?

– Что-о?

Луна вопросительно заглянула в беседку, где двое словно пытались срастись, прижимаясь так тесно, что ребрам становилось больно. Они поили друг друга словами, первыми попавшимися, их смысл был неважен, да его и не имелось вовсе... Дыхание, обжигавшее губы, значило куда больше. Тепло стекало по подбородкам, щекотало шею, от него мутилось в голове...

– Звезду. Знаешь, что это такое?

– Еще бы. Это гигантское самосветящееся небесное тело, состоящее из газа или плазмы. И в нем происходили термоядерные реакции. Знаешь, какая звезда ближе всех находится к Земле?

У нее вырвался смешок:

– Звезда по имени Солнце?

– Боже... Хоть Цой просветил народ!

Чуть отстранившись, Маша прищурилась, спрятав крошечные звездочки – отражение изящных фонарей, окружавших беседку:

– Ты не слишком умный для сына олигарха?

Крупное лицо Влада, в котором она любила каждую черточку, досадливо сморщилось:

– Никакой он не олигарх... А сейчас дела вообще хреново идут. Слишком много жалоб от дольщиков. И... Слушай, я не хочу о нем. Пошел он! Не в мой день.

Доносившиеся издали возгласы, перемежавшиеся смехом на фоне неумолкающей музыки, напоминали, почему сегодня в усадьбе столько посторонних. Зачем Влад собрал всех этих

людей, хотя никто, кроме Маши, не был ему нужен, она не спрашивала. Может, его мать хотела этого? Так ведь положено – юбилей...

«Екатерине Леонидовне приспичило убедиться, что ее сыночку все любят. – Маша чуть отвернулась: иногда Влад поражал тем, как легко угадывал ее мысли по взгляду. – Да никто его не любит... Всем интересны только его бабки, а не он сам. Всем без исключения».

– Ну прости, – вновь повернувшись, Маша потербила его губы кончиком языка и посмотрела игриво. – Так будет мне звезда?

– Это ведь из какого-то старого мультика?

– Что?

– Ну вот это: «Достань звезду!» Или откуда это? Где-то я слышал...

Она резко отодвинулась:

– Хочешь сказать, что сама я не способна ничего придумать? Я тупица, по-твоему? Моя сестрица считает так же, как и ты...

– Ты красавица. Этого более чем достаточно. Сашка просто не может тебе простить, что ты выбралась из бедности, а она предпочла остаться с матерью.

– Потому что идиотка...

– А как по мне, то она поступила правильно.

– Вот спасибо!

– Но глупо. – Он вздохнул. – Приходится учиться выживать в этом мире. Твой отец – это для тебя лестница.

Маша насторожилась: «Мой отец? А себя он в качестве лестницы не рассматривает?»

Но вслух спросила:

– Лестница куда?

– К звезде по... – Влад вдруг встрепенулся. – Стоп! – И просиял улыбкой: – Не двигайся с места. Через пять минут у тебя будет звезда.

За спиной нараспев прозвучало знакомое:

– О'кей...

Он тяжело потрусил по ему одному известной тропинке между деревьями, которые через двадцать метров уже сгустились настоящим лесом. Ему хотелось бы бежать легко, упруго, ведь Маша провозжала его взглядом, он чувствовал это, но тело никогда не слушалось его.

Еще в детстве Влад пришел к выводу, что родился не в том теле, которое предназначалось ему. Вышла какая-то путаница на небесах, и ему придется влачить эту жизнь в образе пухлого увальня. Хоть очки не нужны, и то счастье... Переживать об этом он перестал после того, как услышал Ника Вуйчича и осознал, что ему еще чертовски повезло!

А потом в его жизни возникла Маша... Нет, он понимал, конечно: она не самый умный и благородный человек в мире. Зато выглядела она так, что все парни одаривали его удивлением: «Вот же везунчик!» И ведь Маша не догадывалась, кто его отец, когда они встретились... По крайней мере, уверяла, что понятия не имела об этом. Влад не находил оснований не верить ей...

Сбоку вдруг хрустнула ветка, и он остановился, настороженно взгляделся в темноту:

– Кто здесь? Это частная территория.

Прозвучало глупо: если это кто-то из гостей илется по кустам, Влада сочтут трусом, а забрался посторонний – ему и без того известно, что он нарушил границу. Только ему плевать на это!

Услышать отклик Влад не рассчитывал, но все же постоял немного, прислушиваясь. Ночь сонно шелестела свежей листвой, убаюканной сверчками. Где-то удивленно вскрикнула сова, и все опять затаилось. Влад перевел дух и постарался убедить себя, что это какая-то живность выбралась на ночную охоту. Не волк, конечно! Откуда ему тут взяться? Может,

филин неудачно уселся на дерево? Только и всего... Лес ведь не умирает на ночь, и даже не все его обитатели укладываются спать.

Он пошел дальше, к реке, больше не пытаясь перейти на бег, хотя Маша оставалась одна в беседке, и теперь это начало тревожить Влада. Как он вообще решился бросить ее там одну? Ради «звезды»? Идиотизм какой... Ему не удавалось отделаться от ощущения, будто кто-то крадется в нескольких метрах от него, скрываясь за деревьями, и от этого у него то и дело сбивалось дыхание.

«Если нападут, черта с два я отобьюсь, – себе-то Влад мог признаться в этом. – Да нет, это мне померещилось... Я просто сачкую, вот и все».

И тут он услышал... Что-то...

Ну да, он не сразу распознал, что за звуки, лес запутал. Это был не волка вой и не стон монстра – запела девушка. Высокий серебристый голос будто проступал из вязкой сумятицы ночных шорохов, исполняя неизвестный ему вокализ. Он звучал диссонансом с рваными ритмами, доносившимися со стороны дома, и потому казался еще более нереальным.

Сливаясь с лунным светом, звуки проникали между переплетенными ветвями, белесым паром стелились по земле. И тянулись они навстречу Владу, каким-то чудом притягивали его к себе, манили вперед, и он опять заторопился, влекомый этим голосом, который, конечно же, был женским и вместе с тем казался нечеловеческим. Так могла петь лесная нимфа...

Голос вывел его туда, куда он и направлялся – к реке. И внезапно смолк, уступив сбивчивому говору течения. Будто и не было ничего... Может, и не было? Он просто слишком много выпил за собственное здоровье?

– Что происходит? – пробормотал Влад, глядя на светящиеся на воде яркие звезды.

За этими лилиями он и спешил. В этом году они расцвели раньше обычного, еще конец мая, но уже недели две жара стоит совсем летняя. Даже в реке вода уже прогрелась, он опробовал, хотя всегда был мерзлячим. Маша не уподобится глупой андерсеновской принцессе? Оценит живую красоту? Ну пошло же, в самом деле, дарить бриллианты! Особенно когда легко можешь позволить себе это... Ему хотелось поразить ее по-настоящему мужским поступком, и если уж не под силу достать звезду с неба, то хотя бы из воды Влад сможет ее выудить.

Стараясь больше не думать, откуда доносилось завораживающее пение – наверное, кто-нибудь из девчонок развлекается, – он быстро разделся и вошел в воду. Для ночи она оказалась вполне даже теплой, хотя его все равно передернуло. И все же Влад не позволил себе отступить – нужно было добыть этот светящийся цветок, чего бы это ему ни стоило!

Никто не следил за ним, так что можно было не геройствовать, и Влад направился к самой ближайшей лилии, словно выточенной из ослепительного льда.

И тут в камышах раздался шорох...

Быстро оглянувшись, Влад поискал взглядом: «Утка? Я разбудил ее?» Ни птицы, ни хлопанья крыльев. Он подождал, взглядываясь в темноту, слегка подсвеченную луной, потом осторожно двинулся дальше.

Вода уже покачивалась на уровне ребер, когда что-то скользнуло по его голой ноге. Шарахнувшись в сторону, Влад едва не упал, неуклюже взмахнул руками и громко шлепнул по воде ладонями, пытаясь удержаться. Хотя хвататься за воду – идея сомнительная...

А в следующий момент он забыл обо всем на свете.

Между ним и лилией из воды вынырнула... Русалка?! Обнаженная длинноволосая нимфа улыбалась ему так чарующе, что у него взволнованно дрогнуло сердце. Не то чтобы в этот момент мысли о Маше осели на дно и просочились между камнями... Но на какую-то секунду Влад действительно забыл о ней. И о том, как ощутился в этой реке.

Кожа Русалки показалась зеленоватой. Или это свет луны окрасил ее? Волосы струями облепили грудь – не слишком большую, прекрасную своей естественностью. Она была невы-

сокой, но не казалась хрупкой, в ней чувствовалась природная сила. А в улыбке проступала колдовская порочность, не улыбнуться в ответ было невозможно.

Медленно подняв руку, точно имела дело с неприрученным зверем, она осторожно коснулась его щеки холодом и снова запела без слов. Ее пальцы скользили по его шее, плечам, груди, а прозрачный голос околдовывал, обещая больше того, что может представить земной человек.

«Если это чей-то подарок, я озолочу его в ответ», – промелькнула мысль.

И это было последнее, что он успел подумать.

В следующую секунду на берегу зазвенел его телефон. С досадой скривившись, Влад обернулся, и в тот же миг сильные руки обхватили и сжали его шею, утянули под воду...

Темное и узкое лицо старухи было точно высечено из мокрого дерева. Она смотрела сурово и говорила глухо, от этого ее странные слова звучали пугающим бредом:

– Я все видела. Это была русалка.

– В смысле девушка? – встрял студент, но Артур не стал его одергивать. Не при свидетелях устанавливать субординацию.

Рыбачка метнула в него гневный взгляд:

– В смысле русалка. Не слышал о таких?

– Ну как... Читал.

– А у нас они испокон веков водятся. В этой самой речке. Я их с детства навиделась – во! – резким жестом она перечеркнула шею, спрятанную под грязноватым платком.

Артур незаметно опустил глаза, нашел запись. Имя рыбачки звучало слишком обыденно...

– Антонина Семеновна, расскажите подробнее, как это все происходило. Где вы находились во время нападения? – Он дружелюбно улыбнулся, сделав то движение бровями, которое почему-то располагало к нему людей, точно Логов подавал им некий тайный знак.

Раз она сама поделила их на «плохой-хороший полицейский», придется соответствовать. Хотя ему самому не верилось, что «Антошка» может кому-то не понравиться...

– Не спалось. Лодку проверяла. – Старуха с подозрением покосилась на Никиту. – Пацаны городские шныряют по кустам. Шантрапа... У соседа вон давеча увели моторку!

– А ваша лодка на месте оказалась?

Антонина Семеновна молча кивнула, метнув в помощника еще один не менее суровый взгляд.

– Это хорошо. – Артур убрал улыбку, чтобы не выглядеть жизнерадостным идиотом. – В каком часу вы вышли на берег?

Она подумала, пожевала губами:

– Двенадцати еще не было. Где-то около того.

Никита усердно делал пометки в смартфоне, ловко орудуя большими пальцами, и Артур мог расслабленно кивать, приняв заинтересованный вид.

– И что вы заметили?

Вот тут она дрогнула, даже острый подбородок мелко задергался:

– Не поняла я... Думала, что парочка в воде забавляется. Голые ж оба были.

– Вы это с другого берега разглядели? – Он обернулся к реке: ширина метров двадцать.

– Полная луна была... Все как на ладони. А зрением меня бог не обидел, можете проверить.

Артур на секунду чуть опустил веки, пытаясь вообразить картину.

– Вы ее грудь видели?

Со стороны помощника донесся какой-то невнятный звук, но Артур даже головы не повернул. А рыбачка так и взвилась:

– Чего?! Ты меня за кого... Думаешь, я на девку пялилась?

– Ну что вы, никаких грязных намеков! Я к тому, что это мог быть длинноволосый парень...

Она тяжело засопела:

– Была грудь. Торчала... будь здоров!

– Ясно. И вы увидели, как она... Русалка его топиг?

– Нет! – Антонина Семеновна выкрикнула это так резко, что Никита уставился на нее с ужасом. – Поняла бы, что происходит, так уж, наверное, сразу милицию бы вызвала... А до меня только утром дошло. Когда труп увидела... А ночью-то я дальше не стала смотреть! Я не из тех, кто всякой порнографией забавляется.

Артур с пониманием кивал:

– Я даже не сомневаюсь. Утром вы сразу же узнали в убитом того парня, который ночью плескался с Русалкой?

Тяжело засопев, она выпрямилась:

– Ну прям руку на отсечение не дам. Но похож. Толстун такой... Белый. Видимо, стесняется загорать.

– От вас ничего не скроешь...

– Да и лето еще не раскочегарилось. Опять же одежда его на том самом месте до сих пор лежит, так?

– Так, – согласился Артур. – Вы очень наблюдательны, Антонина Семеновна. А с рукой у вас что?

Подняв кисть, замотанную грязноватым бинтом, рыбачка несколько мгновений смотрела на нее с удивлением, будто не узнавая, и вдруг вскинулась:

– Вы меня, что ли, пытаетесь к этому делу притянуть?!

– С чего такие подозрения? – ласково протянул Артур. – Я лишь поинтересовался. Так что у вас с рукой?

– Крючком поранила. Рыболовным. Показать?

– Обязательно. Сами понимаете, мы должны проверить все. – Он улыбался, чтобы рыбачка продолжала думать, будто следователь на ее стороне.

Она уже взялась за бинт, потом прищурилась, почти слепив короткие, выцветшие от времени ресницы:

– Так его ж утопили... Не зарезали.

– А вдруг он укусил убийцу? Или тот о корягу поранился во время драки.

– Да не было никакой драки! Шум я бы услышала. Вернулась бы. И где там коряги? Ты место хоть осмотрел?

«А ведь верно. Вот чертовка старая!» – Он старался смотреть на рыбачку приветливо:

– Значит, она застала его врасплох?

Ее прямые и костистые плечи дернулись: «А я почему знаю?!»

Большие пальцы Никиты опять застучали по экрану. Он там правда записывает что-то или комменты в сетях оставляет? Логову так хотелось заглянуть ему через плечо, что он отвернулся и настойчиво указал на руку рыбачки:

– Так я могу взглянуть?

– Да ради бога! – Антонина Семеновна раздраженно рванула бинт, но грязный узел не поддался. – Нож есть?

Никита просиял, почувствовав свою нужность:

– У меня есть. Перочинный.

– Режь, – скомандовал Артур.

Ему не хотелось трогать изгвазданный бинт. Для таких дел у него теперь имеется помощник!

А тот уже отработанным движением сунул смартфон в задний карман и вытащил складной ножик из переднего.

– Господин Коршун, можно вас на минутку? – позвал Артур, заранее предугадывая гримасу, которая сейчас появится на физиономии криминалиста: мало того, что этот Логов беззастенчиво нависает над ним, так еще и от дела отрывает...

Но рану на руке старухи должен был осмотреть специалист, чтобы потом не возникло формальных придинок к материалам дела.

Именно с тем выражением лица, какое Артур и представлял, Коршун нехотя приблизился к ним и уставился ненавидящим взглядом: «Ну? Чего тебе?!»

– Можете определить, как давно была получена травма? Только вам это под силу. – Логов улыбнулся так добродушно, что даже Коршун дрогнул и бросил взгляд на сморщенную ладонь рыбачки.

– Порез был получен не менее трех дней назад, – буркнул он.

– Порез? Не укус?

– Какой еще укус? – Криминалист провел пальцем, затянутым в латекс, над зажившей раной. – След неровный, но практически прямой. Человеческие зубы такой оставить не могут.

Артур окатил его нежностью:

– Благодарю, Анатолий Степанович. – Когда тот, ворча, удалился, заглянул в глаза старухе: – Антонина Семеновна, мы признательны вам за сотрудничество. Догадываетесь, о чем я сейчас попрошу?

Рыбачка хмыкнула, чуть дольше задержав взгляд на его лице:

– Не болтать. И позвонить, если еще что вспомню.

Артур восхищенно воздел руки:

– Вы грандиозны!

– Была грандиозна лет сорок назад... Вот тогда я бы тебе точно позвонила.

У Никиты неожиданно выпал ножик и затерялся в траве.

Его так и прошло, когда он увидел это лицо в толпе ребят, обреченно дожидавшихся беседы со следователем. Так Влад ушел с *этой* Машей?! Она видела его последним. Главная подозреваемая. Волосы длинные. Правда, и у остальных из их компании тоже... Похоже, Сашка единственная стриженная девчонка изо всех, кого он знает.

Артур попытался вернуться мыслями к старшей сестре: хилой Машу не назовешь, надо выяснить, каким-то спортом занималась или генетика такая? Ее отец – крепкий мужик. Оксана рассказывала, как он однажды ей два ребра переломил одним ударом... Не жаловалась, нет. Просто к слову пришлось.

– Когда Сергей мне ребра сломал, я совсем не могла смеяться. Вот мука была! Мне же только пальчик покажи, – теперь Оксана вспоминала об этом весело.

Артуру же захотелось поехать и пристрелить этого ублюдка... Может, и стоило? Разве не придумал бы, как замести следы?

Если Маша пошла в отца, то такая запросто сможет удержать растерявшегося парня под водой. А Влад явно оторопел бы: насколько Логов успел понять, Маша считалась его девушкой. Обычно ребята оказываются не готовы к тому, что возлюбленные пытаются их убить...

Маша тоже узнала его: заплаканные глаза мгновенно раскрылись, и Артур увидел Оксанину зелень. Отрекшаяся дочь походила на нее больше, чем маленькая Сашка, которая вообще непонятно в кого уродилась – это и нравилось Артуру. Он любил кошек, а Сашка была из их породы, жила сама по себе. С такими трудно дружить, но уж если она привяжется, то навсегда...

Он обернулся к Никите:

– Опроси... вон того парня. А я побеседую с девушкой, – чтобы сразу пресечь вопросы, буркнул: – Тебе такая враз голову заморочит.

– Красивая, – понимающе откликнулся помощник и неумело подавил вздох.

«Актерскому мастерству ему еще учиться и учиться», – Артур едва удержался от того, чтобы не погладить мальчика по голове – так жалко стало. С чего вдруг Разумовский, скотина бессердечная, толкнул ребенка в самую геенну огненную? Нет, в омут.

– Еще какая, – он ободряюще улыбнулся Никите. – Но я справлюсь.

Силу своей улыбки Логов знал чуть ли не с детского сада и не считал зазорным пользоваться тем, чем наградил его бог. Когда во дворе пацаны разбивали стекло мячом, к рассвирепевшим соседям подсылали маленького Артура, и он умоляюще улыбался нависшим над ним взрослым людям, делая несчастные глазки:

– Мы нечаянно! Честное слово. Мы в футбол играли, а мячик вдруг улетел.

На него невозможно было сердиться...

Поэтому и с женщинами Логов всегда расхотелся легко, оставаясь в приятельских отношениях – мало ли какая помощь может понадобиться! С его-то работой... Никогда не знаешь заранее, что тебя ждет на следующий день.

Разве мог он вообразить, что встретит на месте преступления Оксанину дочь?

– Привет, Маша Каверина, – произнес он тихо и жестом отозвал ее в сторону. – Давай пройдемся. Не будем ломать комедию... Но и афишировать, что мы знакомы, не стоит. Это в твоих интересах, если не хочешь, чтобы дело передали другому следователю, которому будет плевать на твои мотивы и прочее.

– Мотивы?

Она жалобно хлюпнула носом, и Артур спохватился, что платка у него, как обычно, нет. Когда он плакал в последний раз? И насморки его тоже не мучили...

«Ладно, обойдется». Логов отвел глаза, чтобы не выдать неприязни, которую на самом деле вызывала у него старшая Оксанина дочь. Рыдает она... А сколько мать слез выплакала, этой жадной гадючке плевать! Да кого вообще волнуют материнские слезы? Вчера мертвого зацепера с электрички Ярославского направления сняли... Шестнадцать лет пацану. Много он о маме думал, когда погеройствовать решил? Оставалось молиться, чтобы хоть Сашке гормоны голову не снесли...

Топить Машу – даже в переносном смысле! – Логов, конечно, не собирался. Не только потому, что Оксана не простила бы этого... Ему с детства нравилось собирать головоломки, и Артур никогда не жульничал. Даже в игре «в пятнадцать» или, как называли мальчишки, в «пятнашках» он ни разу не перекладывал костяшки с числами, чтобы выстроить их по порядку. Обманывать-то некого... А победа, если ты смухлевал, особой радости не приносит.

– Давай по порядку, – предложил Артур. – Где и когда вы познакомились с Владом? И вплоть до вчерашнего вечера. Не паникуй, не торопись. Я тебя ни в чем не обвиняю, мне просто нужно выяснить все обстоятельства.

Все больше успокаиваясь даже не от самих слов, а от звука его голоса, Маша быстро кивала. Мир возвращался к ней красками и звуками, она даже повернула голову, когда на дереве, мимо которого они проходили, удивленно вскрикнула птичка, скрытая листвой. Радость возвращения к жизни проникала сквозь поры вместе со свежим воздухом, пронизанным солнцем, и разливалась по телу. Татуировка – ивовые листья на левой ноге, они колыхались как живые. Артур отметил: с каждым шагом она держится все уверенней, но еще сама не может поверить, что спасена. Или нет?

Голос ее прозвучал настороженно:

– А вы... Как мне вас называть?

– Я и не подумал, извини. Официально я Артур Александрович.

– О'кей, – вздохнула она.

– Но это длинно и сложно. Когда нас не слышит никто из посторонних, я для тебя просто Артур.

Ее слух выхватил главное: они заодно. Посторонние – это вокруг.

И Маша расслабилась, на что он и рассчитывал, принялась не спеша наматывать на палец медовую, как у матери, прядь. В темноте рыбачка не разглядела, какого цвета были волосы у Русалки... Может, и светлые, Артур ничего не исключал.

Начало немудреной Машинной истории было ровно таким, какое он уже успел нарисовать в воображении.

– Мы с Владом познакомилась в клубе...

Банально. А ей, наверное, такое начало кажется достойным. Удержавшись, чтобы не поморщиться, Логов ободряюще кивнул:

– Продолжай. Ты знала, из какой он семьи?

То, как она замялась, уже можно было считать ответом, но ему хотелось услышать.

– Ну... Мне говорили... Не прямо мне! А кто-то просто сказал, что это типа крутой мажор – сын олигарха.

Взглянув на него испуганно, Маша торопливо облизнулась:

– Только вы не подумайте, что я из-за денег с ним...

«Нет, конечно, – подумал Артур с раздражением. – По большой и чистой любви, дрянь ты расчетливая! Мать предала ради жирного куска, чего от тебя ожидать?»

Но вслух он равнодушно произнес:

– Я не оцениваю твои действия. Мне нужно составить объективную картину. Ты знала Влада лучше других... Что с ним происходило в последнее время? Может, были какие-то неприятности? Кто-то ему угрожал?

То, что Артур перевел стрелки и заставил ее думать о Владе, а не о себе, помогло Маше вернуться в свое привычное состояние. Теперь она была не просто спокойна, но собранна, и ей даже захотелось оказаться полезной в расследовании – это же ужас, что случилось с Владом! Выпуклый лоб ее пошел мелкими складками, она силилась припомнить хоть что-то...

– Но с ним ничего такого... подозрительного не происходило, – заметила Маша с сожалением.

Артур попросил:

– Не надо о подозрительном. Рассказывай буквально обо всем, что вспомнишь...

* * *

Оказалось, это жутко стыдно: признаваться, что убитый человек не так уж много значил для тебя. Впрочем, как и никто другой. Не было в этом мире никого, чья смерть стала бы для Маши концом света... Родители? Это смешно, она уже не ребенок, чтобы цепляться за них. Сестра? Сашка терпеть ее не могла, и, надо признать, их чувства были взаимны. К Владу она относилась чуть лучше, все-таки от него зависело ее будущее – невозможно же до старости жить в доме отца, куда он каждый вечер приводит девок... Уж лучше с этим белокожим тюленем, каким Маше виделся Влад.

Но разве о таком скажешь следователю? Язык сделался непослушным, вялым, а кончик пальца уже налился кровью – так Маша перетянула его прядью. Кажется, даже зубами коснись – брызнет кровь.

«А вдруг его душа летает где-то рядом? – Она со страхом скосила глаза. – Сколько она там еще на земле? Девять дней? Или сорок? Вдруг он слышит, что я говорю? Ой, да что я такое несу?! Бре-е-ед...»

И все же было не по себе от мысли, что Влад может наказать ее за... правду. Разве ему понравятся такие слова?

– Влад был... нормальным. Обычным. Ничего особенного... За что его ненавидеть кому-то?

Между строк откровенно звучало: «Я не любила его». Внимательный взгляд Артура уже считал это, Маша даже не сомневалась. Но он не встречал, слушал, только изредка кивая, ничем не выказывал осуждения, если оно и было. Ой, да он же на таких уродах насмотрелся – убийцы, извращенцы всякие!

«Я просто ангел против них», – Маша высвободила затекший палец.

– У нас все было хорошо. Я за него замуж собиралась.

Одобрительный кивок. Поколебавшись, она решила:

– Правда, он так и не это... Ну... Предложения не сделал.

– Тебя это обижало?

В голове сразу зашумело от прихлынувшей крови:

– Не до того же, чтобы топить его! Да и нафига мне это? Убивают мужей, чтобы наследство заполучить, а Влад мне был никем...

Она осеклась, испуганно оглянулась и пробормотала:

– Ну, то есть как никем... Официально. А так-то...

– У вас были сексуальные отношения? – невозмутимо уточнил Артур.

– Само собой! Мы оба совершеннолетние, если что... Владу вчера тридцатник стукнул.

– И он пригласил лучших друзей...

– Да не то чтобы... Не прям друзья. Так, тусовались вместе по клубам.

– По каким именно?

Артур вытащил из кармана маленький блокнот с оранжевой обложкой – специально покупал яркие, потому что они вечно терялись в ворохе бумаг на столе. Настороженно проследив, как он готовится записать, Маша уверенно продиктовала несколько названий.

– Но «Мечтатель» ему больше всего нравился, – она вздохнула, внезапно и впрямь ощутив пустоту.

С кем теперь проводить вечера? Как в школе – с девчонками? Ага! Это Сашку такое устраивает, ей и в одиночестве дома торчать в радость. А у Маши ломка начиналась, если некуда было поехать на ночь глядя. Нет, не наркотическая ломка! С этим у нее никогда ничего серьезного не случалось, так... дегустация. Да и Влад не одобрял.

Она сообщила об этом Артуру, пока не забыла. Это ведь тоже типа версия, да? Дилерские разборки... Но у Влада с этим проблем не было. Следователь должен знать. Что-то черкнул в блокноте, значит, ценная инфо...

– А до тебя Влад с кем встречался?

– А что? – насторожилась Маша. – Он говорил, что впервые так влюбился. В меня. И я ему верила, между прочим!

Она выкрикнула это с вызовом, и губы Артура сразу вытянулись в трубочку: «Тихо-тихо!»

– Я тоже верю, – произнес он с такой убежденностью, что Маша сразу же затихла. – Ты же красавица, как он мог в тебя не влюбиться?

– О'кей, – она усмехнулась с легкой игривостью.

Маша и не заметила, что обычного в таких случаях «и умница» Логов не добавил. И ограничил круг тех, кто мог влюбиться в Машу, одним Владом... Если б до нее дошел скрытый смысл его слов, она оскорбилась бы. Но Артур понимал, с кем имеет дело.

Сашке он такого не сказал бы...

Допрашивать глупых людей ничуть не легче, чем пытаться вытянуть правду из хитрых умниц. Нужно опуститься на их уровень, чтобы понять ход их мыслей. Что им может показаться неважным, а на самом деле является значительным для дела...

Но Артуру было не привыкать: он вырос на окраине, где в соседних квартирах жили профессор и дворничиха, геолог и бывший зэк. И дружил с их детьми, которые во дворе, как птички, сбивались ватагой, хотя наедине с собой думали на разных языках. А говорить старались на одном – грубоватом языке улиц, чтобы не стать изгоем.

Угадать, что скрывается за словесной маскировкой, сначала было для Артура игрой. Не менее увлекательной, чем дворовой футбол. Теперь это стало частью его работы: с каждым свидетелем он старался уловить, на какой глубине залегают его «грунтовые воды», в которых растворяются тайные желания, потаенные мысли.

Это было непросто. И спустя четверть часа Маша не стала для него раскрытой книгой. Он чувствовал: Оксанина дочь что-то скрывает, но не мог понять, к чему это относится... О себе она утаивает нечто постыдное или пытается не очернить память Влада?

– Единственное, что ты можешь сделать для него хорошего, это помочь найти убийцу, – Артур произнес это мягко, чтобы она не подумала, будто следователь давит на нее и не начала сопротивляться.

В ее взгляде, который внезапно стал серьезным и взрослым, ему померещилось: «Не единственное...» Но все остальное волновало его куда меньше того, о чем он уже сказал.

К тому же в этот момент что-то отвлекло его... Артур и сам не понял, что это было? Не хруст, не шаги... Точно дуновение воздуха или... Взгляд? Можно почувствовать, как кто-то следит за тобой из леса?

Продолжая черкать в блокноте, он осторожно повернулся и исподлобья обвел взглядом сцепившиеся ветвями деревья. Они были заодно. И если скрывали кого-то, то надежно – он был своим для них. Или все же она? В реке Русалка, в лесу – дриада. Они ведь были в родстве? Действовали против людей заодно?

Незаметно поднимая ресницы, Артур продолжал вглядываться, но ничто не выдавало присутствие постороннего... Близость убийцы.

Однажды с ним уже происходило такое: его выследил сбежавший зэк, которого Логов год назад поймал; тот получил немаленький срок за то, что вырезал целую семью. Почему-то кличка у него была вполне семейная – Шурин. После побега он мог податься в сибирские леса, никто его в жизни не поймал бы, но Шурин был одержим желанием расплатиться со сле-

дователем и вернулся в Москву. Глупо до предела, но умные преступники вообще встречаются нечасто, поэтому не всегда и получается мыслить так, как они.

В те дни, когда Шурин ходил за ним по пятам, выбирая удобный момент, Артур тоже ощущал это холодное дуновение, скользившее по шее. Хотя убийца ни разу не приблизился к нему до того самого момента, когда Логов застрелил его... Может, это ангел-хранитель касался его пером, чтобы Артур вовремя обернулся? Он заметил Шурина за трансформаторной будкой во дворе и успел вытащить пистолет, который стал носить с собой, предупрежденный ангелом...

То, что сейчас неуловимое движение воздуха опять заставляло Артура напрягать мышцы спины, не нравилось ему.

«Разве я уже исключил Машку из подозреваемых?» – Он попытался стряхнуть наваждение.

А она, вздохнув (ему показалось – делано), уже снова заговорила:

– У Влада толком и девушки-то не было раньше... Любил одну в школе еще. Я только имя знаю – Наташа. Но она в Питер уехала учиться. Ну и все заглохло... А после нее всяких шлюх тра... таскал домой... Не, не домой. Ему мать башку бы оторвала.

– Мать? Она его в строгости держала?

– Ой, Екатерина Леонидовна еще тот абьюзер! Вот его папашка и сбежал.

– Иван Василенко не жил с семьей?

«И почему мне до сих пор никто об этом не сказал, интересно?!» – Артур пообещал себе отшлепать Никиту.

– Ну, при мне уже точно не жил. Я его видела-то раза два. Влад меня с собой взял как-то, когда с отцом встречался. Может, показать хотел батю...

Логов улыбнулся:

– Похоже, ты ему понравилась, раз вы продолжили встречаться.

Ее губы изогнулись усмешкой, показавшейся Артуру двусмысленной:

– Типа того...

– А с матерью Влада у тебя как отношения складывались?

Поморщившись, Маша буркнула:

– Да никак. Екатерина Леонидовна вечно нос воротила, когда Влад меня привозил. Можно подумать, она прям голубых кровей! Я поздороваюсь, а она такая типа не слышит...

– Ты ведь тоже не из бедных, – поддержал Артур. – Я про твоего отца.

– Ну да! А я о чем? Какого хрена, да?

– А как Влад на такое отношение матери реагировал?

Артур спросил об этом и вдруг физически ощутил, как простой вопрос крючком зацепил за живое. Слегка выгнувшись от боли, Маша часто задышала, пытаясь унять ее. По-хорошему стоило бы перевести разговор на другое, чтобы девушке стало легче, но Логов был следователем, а не психотерапевтом, лечащим души. Ему нужен был ответ.

– Да никак, – выдавила Маша. – Делал вид, что типа ничего не замечает. Ни разу ни слова ей не сказал!

«Обида, – отметил Артур. – Мотив есть. Ощущение униженности могло переродиться в желание отомстить. Чем еще больнее поразить мать? Нечем... А в ее сына Машка влюблена не была, это очевидно».

* * *

– И возможность у Маши Кавериной была... как ни у кого, – продолжил Артур, вновь объединившись с помощником. – Никто их не видел. Никто?

Не успев проглотить кусок, Никита помотал головой. Они перекусывали прямо на траве, вытянув ноги вниз по склону. Артур настоял, чтобы они оба разулись, и погонял помощника босиком по траве.

– У нас сволочная работа, которая вытягивает хренову тучу сил, – вышагивая рядом, наставлял он. – Используй любую возможность, чтобы подзарядиться, иначе выгоришь за пару лет. Чувствуешь, как хорошо? Трава прохладная, а солнце греет. Представь, как его тепло проникает в тебя и потоком вымывает всю усталость... Она уходит в землю, которая ее примет и переработает.

В доверчивом и почти детском взгляде светилось восхищение:

– Вы учились этому? Какие-то практики?

Артур заразительно расхохотался:

– Только что придумал!

– Неправда! – обиделся Никита.

– Вот те крест! – Артур размашисто осенил себя.

Парень покачал головой:

– Ну вы даете. А так звучит... убедительно.

– Это я могу!

– Артур Александрович...

– Можно без отчества. Замучаешься ждать, пока выговоришь!

– Ладно. Артур, вы не откажетесь разделить со мной бутерброды? У меня там целая гора!

– Mamочка постаралась?

Ему почудилось или на какой-то миг нежное лицо мальчика заострилось? Он принялся копаться в сумке:

– Нет, я сам сделал.

– Это правильно. Продолжай в том же духе.

И Никита сразу просиял, одарив его мультяшной улыбкой.

Уже через минуту они в четыре руки распаковывали «передачку», запах которой опьянял уже через бумагу. Первый бутерброд каждый из них проглотил молча.

Когда тоскливое волнение в желудке улеглось, Артур заметил:

– Ты, наверное, воображал, что будешь работать с таким мрачным Харри Холе, да? Но я не алкоголик, да и сестры-дауна у меня нет.

– А кто есть?

Это было немного дерзко со стороны студента, но Логов сам затеял этот разговор. Теперь было бы глупостью заткнуть ему рот... Даже таким вкусным бутербродом – Никита не поспешил на хорошую колбасу (для нового шефа!), а листик салата до сих пор выглядел свежим. Надо было жевать, наслаждаться и помалкивать. К тому же парень, вероятнее всего, ляпнул глупость из врожденного простодушия. Хотя...

«Не факт, что он так прост, как кажется!»

– Семьи у меня нет, – большего Артур пока не готов был доверить помощнику. Еще не напарник...

Никита понимающе кивнул:

– Работа такая?

– И это тоже.

– Но что-то еще...

– Эй-эй, ты эти штучки брось, – предупредил Логов. – Это я и сам умею.

– Понял.

Артур сразу остыл и потянулся за вторым бутербродом:

– Перед встречей с матерью убитого надо подкрепиться...

Никита помолчал:

– Мне тоже надо с вами?

– Боишься?

– Ну... У нее горе такое.

– А ты рассматривай ее как подозреваемую, а не как убитую горем мать.

– Как это?

– Разве матери не бывают убийцами?

– Бывают... Наверное...

– Даже не сомневайся. Правда, они чаще детей с балкона... роняют. Или травят. Ладно, что об этом сейчас? Еще насмотришься... Если, конечно, не передумаешь, что я на твоём месте и сделал бы.

Приготовившись откусить, Никита так и застыл с открытым ртом:

– Вы не любите свою работу?

– Еще как люблю! Но никому не посоветую. Разве это нормально для вменяемого человека – возиться с трупами?

– Вы ловите убийц... Боретесь со злом.

– Ну да. Я, мать его, Бэтмен.

Никита оценивающе прищурил правый глаз:

– А вы могли бы сыграть супергероя. Вы вообще на какого-то актера похо...

– Стоп! Проехали. Что там с приятелями нашей жертвы? Всех опросил?

– Ну да... Все как сговорились: твердят, что Влада они любили, он был классным парнем и все такое, – внезапно изменив голос, Никита пискляво выкрикнул: – Я идеален!

Артур улыбнулся:

– Олаф.

– Вы смотрите мультики?!

– У меня же есть дочь. Ну почти...

– В смысле? Почти дочь или почти есть?

– Забудь, ты ее все равно не увидишь, – Артур воздел указательный палец. – И у тебя найдутся поважнее дела. Накопай что-нибудь на эту рыбачку Антонину... Как ее?

– Семеновну. Мы ее свидетельство на веру не берем?

– А с чего нам ей верить? Мы пока ничего об этой старухе не знаем. Может, она сама и придушила парня...

– За что?

Артур старался казаться серьезным:

– Попыталась соблазнить, подарить себе последнюю плотскую радость, а Влад сплеховал, попытался удрать... Оскорбленная женщина может пойти на все...

– Вы шутите? – догадался Никита, покраснев.

– Дико звучит, согласен. Но исключать эту версию тоже нельзя. Такое на моем веку тоже случилось...

– Я понял.

«Понял он, – Артур удержал усмешку. – Ну такой милаш, прямо погладить хочется!»

– Как будешь действовать?

Разом проглотив остаток бутерброда, Никита затараторил, чуть не подпрыгивая от нетерпения:

– Пробью судимости. Пошарю в базе пенсионного фонда, узнаю, чем она занималась в жизни. Может, что интересное всплывет. Дети, внуки...

– Не похоже, что есть...

– Не похоже. Но вдруг? Местных поспрашиваю, почему одна живет...

Логов одобрительно кивнул:

– Может, пара задушенных мужей в прошлом.

Прыснув, Никита быстро вернул на место маску серьезности:

– Для начала нормально?

– Ты молодец, – откликнулся Артур тоже серьезно.

Ему все больше нравился этот мальчишка – смысленый. Такого можно будет взять под крыло, когда диплом получит.

Никита вдруг заерзал:

– Меня как-то напрягает, что они все говорили как по-писаному...

– Друзья-товарищи?

– Ну да. Как будто успели договориться, какие показания давать.

Логов задумался.

– Запросто. Даже если это получилось подсознательно... Думаешь, им есть что скрывать?

Никита пожал плечами:

– Или это у меня глюк какой-то...

– Не глюк, а интуиция, – поправил Артур. – Не последнее, кстати, место занимает в нашей работе. Хотя в суде ее не предъявишь, нужны только факты. Но вывести на них она может.

Мальчишка просиял:

– Значит, этих ребят тоже можно прошерстить?

– Прямо не терпится? А в тебе сейчас не классовая ненависть проснулась?

– В смысле?

– Ты ведь не из мажоров? Не кухарка же тебе бутерброд сделала, сам возился...

Его щеки пошли красными пятнами:

– Я им не завидую, ничего такого. Мне вообще по хе... плевать на все эти дорогие тачки, яхты, клубы.

Артур легонько пихнул его в бок:

– Да ладно! И на «Феррари» отказался бы погонять?

В разгоряченном лице что-то дрогнуло, и улыбка тронула губы:

– Ну, если только погонять... Но кто мне даст?

* * *

Как ни храбрился он перед мальчишкой, войти в дом женщины, только что потерявшей сына, далось непросто. Убедившись, что никто за ним не следит, Артур потоптался на высоком мраморном крыльце, покорял которое целую вечность. Нет, это ничем не напоминало восхождение на Голгофу, куда ему... Да и особняк с колоннами не походил на иерусалимский холм. Но тяжесть креста, который каждый тащит по отмеренному пути, придавливала к земле.

Это лишь кажется, что от такой работы черствеет сердце... Конечно, каждого убитого Артур не оплакивал, но иногда хотелось лезть на стену. Особенно если убивали ребенка. Такие дела он ненавидел, но виду не подавал: а кто может смотреть на истерзанное маленькое тельце без содрогания? Никита прав, что главное – это наказать зло. В этом смысл их работы, об этом и надо думать. Устами младенца...

Влад Василенко не был ребенком, но только для них, чужих людей, которые никогда не видели его беззубой улыбки в кружевной колыбели, ножек в перевязочках, не вдыхали сладковатый молочный запах. Артур никогда не держал на руках малышек и понятия не имел, чем они пахнут... Но до сих пор не мог забыть одно из своих первых дел: девица, задушившая

новорожденного подушкой, к утру лишилась рассудка и пришла в полицию с аккуратно запеленатым трупиком на руках. И подушку притащила... Еле удалось отнять у нее и то, и другое.

На допросе она смотрела на Артура пустыми черными глазами – такие он однажды видел у слепой собаки, только не сразу понял, что с ней такое... Убийца говорила только об этих перевязочках, младенческом аромате, пальчиках-лапшиночках. И раз сто произнесла его имя: «Коленька... Коленька...» Внешне дело было простым: и тело, и орудие убийства были налицо, подозреваемая сама признала свою вину. Но именно тот допрос, в отличие от сотен других, иногда снился Артуру.

Он вспомнил этот день, увидев в глазах Екатерины Леонидовны ту же черную бездну. Все радости жизни уже канули туда, ей не за что было уцепиться. Слезы могли бы помочь, но глаза оставались сухими. Она окаменела скорбным изваянием на краю изящного диванчика в голубой гостиной с камином, выпрямив спину, и смотрела прямо на Логова, но вряд ли видела его. Он знал, что теперь вечно будет перед ее глазами...

Сын походил на нее – они оба были чуть полноваты, и волосы отливали похожей рыжиной. Наверное, у Влада тоже были темные глаза – Артур увидел его лицо с опущенными веками. Вряд ли убийца позаботился об этом... Наверное, они сами опустили с последним выдохом, когда жизнь растворилась пузырьками в воде.

Логов отметил, что нос у Влада был маленький и мягкий, как у матери, и такие же тонкие губы. Сегодня ей, конечно, не пришлось в голову подкрасить их, и рот оставался бледным, почти синеватым... Наверное, Екатерина Леонидовна тоже чувствовала себя... неживой.

Но Артуру хотелось верить: однажды эта женщина сможет разглядеть высокую голубизну в разрывах туч и мягкие лапы сосен, навевающих покой. Может, ей даже повезет заметить не похожую на других улитку, какую он недавно показывал Сашке – на удивление шустрая и любопытная, она тянула длинную шею то к одному листу одуванчика, то к другому и не могла усидеть на месте, энергично подтягивая чистенькую раковину. Сашка назвала ее Улиткой-непоседой и на ходу принялась сочинять стишок:

А наша Улитка
Была очень прыткой!
Совсем не тягучей,
Как сестры-улитки.
И резво скакала
С листка на травинку,
Свой кругленький домик
Таская на спинке.

– Ты знаешь, что твоя дочь сочиняет стихи? – спросил он тогда Оксану.

Ее глаза округлились, и Артур уже решил, что удивил ее. Но ее поразило другое:

– Неужели ты мог подумать, что я этого не знаю?! Это же Сашка! Мой кусочек. Она всем со мной делится.

– И что, это у нее всерьез?

– Стихи? Не думаю. Она пока ищет себя...

И это показалось Артуру правильным: чем еще заниматься в таком возрасте? Но сейчас, сидя напротив матери Влада, он с неожиданным состраданием подумал, что ее сын так и не успел найти себя. Занимался тем же, чем отец. Так было проще. А чего хотел он сам?

Артур задавал стандартные вопросы, и Екатерина Леонидовна отвечала уверенно, задумываясь лишь на секунду, но его не оставляло ощущение, будто с ним беседует искусственный интеллект, выдающий то, что заложено в программу: врагов у ее сына не было, ни в какие аферы он не ввязывался, обманутых подруг она не помнит...

«Парня вообще не за что было лишать жизни. И все равно он убит. Да не просто так, а демонстративно... Про лилии так и не выяснил! – спохватился он. – Надо было Никите поручить... Ладно, сам».

– Ваш муж не приехал на юбилей сына...

– Я заметила.

– Он живет отдельно?

Ее голос леденел все заметнее:

– Уже около года.

– У него другая семья? Поверьте, я не из праздного любопытства спрашиваю...

– Семья? Можно ли его многочисленных любовниц считать семьей?

«Придется проверить, – Артур черкнул в блокноте. – Вдруг отец Влада обидел одну из этих девушек настолько, что она решила отомстить, ударив по самому больному? Сын все-таки...»

Но пока надо было прояснить главное.

– Екатерина Леонидовна, – начал он осторожно, – какие отношения были у Влада с Марией Кавериной?

Под ее кожей точно пробежала рябь, она хоть болью, но оживила каменную маску. Артур не сомневался, что сейчас услышит гадость в Машин адрес... Ему было важно, какой именно будет эта гадость.

Она процедила сквозь зубы:

– Какие отношения могут быть с пиявкой? Присосалась и пьет кровь. Теперь к другому присосется.

Артур сделал зарубку в памяти: хоть и на дух не выносит, но даже не заподозрила в убийстве... А ведь могла бы наговорить с три короба, утопить Машку вслед за сыном. Может, Оксанина дочь и впрямь ни при чем? Хоть бы... Это им всем здорово облегчило бы жизнь.

– Они собирались пожениться?

Гримаса отвращения.

– Кто женится на пиявках?

– Многие.

Она не усмехнулась, но взгляд на секунду ожил. Когда-то в другой жизни у этой женщины было чувство юмора. А еще была всепоглощающая любовь к сыну... Если Влад неудержимо ускользал от нее навсегда, могла ли она решить в отчаянии: «Так не доставайся же ты никому»?

– Маша Каверина глупа как пробка. А Влад дураком... не был, – прошедшее время далось ей с трудом, горло дернулось, будто слово застряло поперек.

– Чем он занимался?

– Пытался написать книгу. Ему хотелось создать собственный мир. Как у Толкиена.

– То есть нигде не работал?

Такая прямота заставила ее поморщиться:

– Мы не нуждались в деньгах. Официально Влад числился в компании отца. Кое-что он там делал... И у меня свой бизнес.

Заметив, как Артур приподнял брови, она уточнила:

– Сеть салонов красоты. Это кормит. Поэтому сын мог реализовать талант.

«А он был?» – Артур опустил взгляд в блокнот, чтобы она не прочла по глазам.

– Влад не успел дописать ее...

– Соболезную, – он изо всех сил изобразил сочувствие.

Но ее лицо снова затвердело.

– Мне не нужны соболезнования. Найдите убийцу. Вот все, что от вас требуется.

«А теперь пошел вон!» – недосказанные слова повисли в воздухе.

Но уйти он не успел: дверь в гостиную распахнулась, как от пинка, на пороге возник Иван Василенко – на его фотографию Артур уже успел взглянуть. Но не ожидал, что даже ему придется смотреть снизу вверх. Однако раздражения, которое так откровенно проявлял Коршун, не почувствовал, только удивился: Логову редко встречались люди, переросшие его.

Иван Михайлович не избежал участи всех чересчур высоких людей – заметно сутулился. Но в первый момент Артур этого не заметил, потому что его захватило ощущение ворвавшегося в комнату урагана. И он сразу понял, почему Василенко сумел создать целую строительную империю – энергии ему было не занимать. Потрясая седеющей гривой, он промчался мимо Логова, не обратив на него внимания.

Артур проводил его внимательным взглядом: «Такой придушит и глазом не моргнет». Никто пока не упоминал, какие отношения были у Василенко с сыном, только один «челик», как выразился Никита, обронил, что Влад не общался с отцом. И после фразы, сказанной его бывшей женой, понятно – почему...

«Странно, что Влад сошелся с Машей, – подумал Артур. – Ведь в похожей семейной ситуации они выбрали разные стороны баррикад».

– Это правда?! – прорычал Иван Михайлович, мгновенно заполнив собой просторную гостиную. – Как ты допустила такое?

– Заткнись, у нас следователь, – отозвалась его бывшая жена холодно.

Логов отметил: «Понятно, почему он сбежал. Ему хотелось чувствовать себя царем Вселенной, а жена опускала его на землю. Владыки она в нем не видела».

К помутившемуся от боли и гнева сознанию бывшего мужа словам Екатерины Леонидовны удалось пробиться. С его крупного и побагровевшего лица тут же сошла гримаса ярости, и на Артура он обратил уже другой взгляд – настороженный, цепкий. Взгляд дельца, прикидывающего, какие могут быть издержки...

За плечом Василенко маячила молодая женщина, которую Артуру никак не удавалось разглядеть. Блондинка, конечно... В шестьдесят лет мужики влюбляются только в златовласых феечек, способных наколдовать им молодость. Этой удалось?

Он заглянул в блокнот: Кристина Станиславовна Кравченко – землячку нашел? Это стало первым крючочком? Или бесу, который лезет под ребро, плевать на само понятие «национальность»? Длинноволосая... Ей смерть наследника выгодна, как никому другому.

Не предложив Кристине присесть, Василенко грузно опустился рядом с женой, заняв собой весь диванчик.

– Что удалось выяснить?

«Черта с два ты на меня надавишь», – Артур смотрел на него, не моргая:

– Ведем сбор информации.

– Что тут собирать?! Ясен пень, моего сына убил кто-то из этого сброда, которых ты, – Василенко оскалился на бывшую жену, – пустила в дом! Дайте мне с ними потолковать. Я вытрясу признание.

– Причем из каждого...

– Что?

– Иван Михайлович, этот номер не пройдет. Я не стану вас учить, как вести строительство, хотя у меня тоже есть претензии...

– Что?!

– И вы не учите меня работать. Если, конечно, заинтересованы в результате.

Екатерина Леонидовна качнулась вперед, переключив его внимание:

– Извините. Иван Михайлович у нас тугодум... Он не сразу понимает, что делает.

– А с памятью как? Не подводит? – не удержался Артур. – Где вы были сегодня в полночь?

Василенко задохнулся:

– Я?!

– Вы, – бесстрастно подтвердил Логов и перевел взгляд на Кристину. – И вы тоже.

Она среагировала первой:

– Я у мамы была.

– У мамы?

«Охрнительное алиби!»

– Ваня, то есть Иван Михайлович, сюда собирался. Ну, сына поздравить надо? А я решила, что мне лучше не показываться Владу на глаза. Чего портить юбилей, да?

Логов пропустил ее тираду мимо ушей:

– И кроме вас с мамой дома, конечно, никого не было?

– А кто еще там может быть? Мама же одна живет. Папочка умер...

– Давно? – Это вообще не имело отношения к делу, но Артуру хотелось отвлечь ее – слишком уж настороженно Кристина держалась.

Она закатила глаза, припоминая:

– Шестой год. Кажется...

– А ваша мама чем занимается?

– У нее свой бизнес.

– Прилавок на базаре, – с отстраненным видом пояснила Екатерина Леонидовна.

«Попалась!» – Артур насмешливо проследил, как взвилась Кристина – руки взметнулись, пухлый рот сердито оскалился:

– И не прилавок, а павильон с женской одеждой! Ой, можно подумать, вы прям такая бизнесвумен! Подмышки бреете... Чем лучше-то?

– Закрой рот! – рявкнул Василенко.

Она сразу умолкла, обиженно отвернулась. Артур подумал, что Кристину Кравченко лучше вызвать на допрос: в официальной обстановке такие дамочки начинают паниковать и могут сболтнуть лишнее. Мама – это, конечно, самый хлипкий свидетель, но все равно нужны факты, чтобы разрушить даже столь условное алиби.

Решив дать Кристине возможность передохнуть (пусть думает, что выкрутилась!), Артур перевел взгляд на Василенко:

– Но вы так и не приехали на день рождения сына... Или вы были здесь, но не показывались на глаза остальным?

– Нет, – отрезал он. – Я...

Внезапно он смешался, быстро отвел взгляд, и крупные руки резко сцепились замком. Артур одобритительно кивнул: продолжайте.

– Я не решился, – выдавил Иван Михайлович. – Влад... Он отказывался понять меня.

Екатерина Леонидовна смотрела прямо перед собой:

– А должен был?

– Он же мой сын!

– И мой тоже. В первую очередь мой. Тебе всегда было не до него.

– А я ради кого все это делал?! – вскипел Василенко. – Пластался день и ночь! Мне, что ли, это все надо было?

– Еще скажи, что ты все делал ради семьи! – Ее взгляд впервые за все это время живо блеснул.

«А хорошо, что этот ублюдок приехал, – подумал Артур. – Злость выведет ее из оцепенения. Это как раз то, что ей сейчас надо».

Можно было ожидать всего, но Василенко не заорал в ответ. Ссутулившись еще больше, он пробормотал с виноватым и почти собачьим выражением мольбы во взгляде:

– Кто ж знал, что все вот так...

И неожиданно всхлипнул.

Артур так и замер: даже ему, копающемуся в открытых ранах человеческих душ, нечасто доводилось видеть плачущих мужчин. И зрелище это было так себе...

Уткнувшись в плечо бывшей жены, Василенко мелко затрясся, некрасиво кривя рот. Точно не веря своим ушам, Кристина обернулась и уставилась на них, широко распахнув серые глаза. Они были аккуратно подкрашены – плакать она явно не собиралась. Но кто стал бы винить ее в этом? Люди не оплакивают чужих взрослых сыновей, с которыми ничего, кроме неприязни, их не связывало.

Вопрос заключался только в том, насколько сильна была эта неприязнь?

Как этот мент пялился на нее. Так и залепила бы по роже, не посмотрела бы, что красавчик. Да еще Иван, ее ласковый «папик», вдруг точно взбеленился! Гаркнул на нее... Сроду такого не было! Знал, что Кристина не просто огрызнется, может и сдачи дать. И ему это даже нравилось: бывшая-то вся такая прям училка – правильная, на все пуговицы застегнутая. С такой ни поругаться, ни помириться от души...

То, что Иван разрыдался, уткнувшись жене в плечо, поразило Кристину больше, чем смерть их мальчика. Ну как – мальчика! Влад всего на два года был младше нее. Мачехаровесница, как он сам выразился: «Банально до тошноты».

Кристина и не скрывала от Ивана, что на дух не выносит его сына, но разве это дает право смазливому менту тарачиться на нее как на убийцу? Прям стойку сделал, когда узнал, что алиби ей только мама может составить. Само собой, мама подтвердит любую ахинею, лишь бы отмазать ее... Но ты докажи попробуй, что обе врут!

Телефон мамы пришлось этому следаку дать, куда денешься? Но Кристина успела послать сообщение: «Ночью я была у тебя». И удалила его из отправленных... Мама у нее смышленная, лишних вопросов не задает. И больше ее самой хочет, чтобы Василенко женился на доче – тогда и ее жизнь, считай, сложилась. О безбедной старости точно не придется заботиться, хотя до нее еще далеко, конечно.

Только как бы теперь все их планы не накрылись медным тазом! Как там говорят: горе сближает? Вон как Иван к бывшей припал, собака сутулая... Сын-то общий, понятное дело. С кем еще его оплакать? Остальным этот тюфяк до лампочки был. Даже девчонке его, Машке... Кристина замечала, как та по сторонам взглядом шныряет: а нет ли под боком кого повыгоднее да посимпатичнее?

Скрывать это от Артура Логова не было смысла – почему бы не перевести стрелки, если он под нее копать начал? Она же не идиотка, понимает, что одной из первых под подозрение попадает. Ни о каком ребенке пока речь не идет, но от того, что старший сын вышел из игры, Кристине сплошная выгода. И следак это моментом уловил... Волчара, вон как взглядом пожирает!

– В каком часу вы вчера приехали к матери?

– А я помню? Ну, в девять вечера, возможно...

– На чем?

– В смысле? На машине.

- Марка? Номер?
- Блин! А я обязана отвечать?
- Не обязаны. Если есть что скрывать...
- И это при Иване!
- Нечего мне скрывать. Записывайте...
- И адрес мамы заодно.

От его вопросов у Кристины уже пухла голова. А он, видать, специально в нее вцепился, чтобы безутешные родители пока пришли в себя. Катерина тоже обмякла, щекой к макушке Ивана прижалась. Противно смотреть!

- Где припарковали машину?
 - Не помню. Какая разница?
 - Постарайтесь вспомнить.
 - Да я вечно ее теряю! Во дворе где-то...
 - Значит, соседи могли ее видеть. И вас.
 - А вы намекаете, что я не была у мамы? Что за беспредел вообще? Иван! Ну, скажи!
- Не отрываясь от плеча жены, Василенко глухо произнес:
- Отвечай, когда спрашивают.

Телефон в кармане Артура издал короткое жужжание, и у Кристины отчего-то екнуло сердце. Предчувствие какое-то... Не моргая, она проследила, как мент прочитал сообщение и посмотрел прямо на нее.

«Другой взгляд, – обмерла она. – Типа он уже не подозревает, а знает точно. На сто процентов!»

Он улыбнулся так ласково, что у нее похолодели ладони:

- А вы, оказывается, были чемпионкой Донецкой области по плаванию?
- Как успел раскопать?!

– И что? – выкрикнула Кристина с вызовом. – Это когда было? Сто лет назад. В школе еще.

- Человек, умеющий хорошо плавать, не может разучиться.
- А я и не разучилась. А вы не умеете плавать? Или вон она? Кто не умеет-то?
- У профессиональных пловчих крепкие руки...
- Куда это вы клоните?
- Влад был задушен в реке.

Он произнес это извиняющимся тоном, словно до этой минуты родители и не подозревали, как погиб их сын. Да и какая, к черту, разница? Задушили, утопили, застрелили... В любом случае он мертв.

А вот ей надо выжить во что бы то ни стало!

Но этот смазливый мент, похоже, решил иначе... На другой день Кристина уже сидела перед ним и еще каким-то пацаном, назвавшим себя скороговоркой, в комнате для допросов. Кто еще таранился на нее через зеркало? Она ж не курица какая-то, знает, что у них тут ненастоящие зеркала. Фальшивка. Кого пытаются обмануть?

– Вчера прямо во время нашего разговора вы послали матери сообщение. Вот текст: «Ночью я была у тебя». Припоминаете?

Артур Логов улыбался ей так радостно, будто рассказывал что-то очень приятное. Кристине сдавило горло: «А это как он узнал?! Я же удалила... А мама? До нее не дошло, что ли?» Обычно ее матери хватало ума замести следы, натоптанные ее хорошенькой дочерью... Чертову уйму уже замела!

– Это не то, что вы думаете, – пробормотала Кристина, стараясь не смотреть ему в лицо. С такими мужчинами только в постели можно общаться...

Логов откинулся на спинку стула, приготовившись слушать:

– Удивите меня.

– А вы никому не расскажете?

Они быстро переглянулись и чуть не заржали, Кристина это почувствовала, хотя губы их даже не дернулись. Подавшись вперед, Артур навалился грудью на стол, приблизился так, что у нее сбилось дыхание. Черт, ну что он делает в полиции с такими глазами?! Мог же любую миллионершу охмурить... Шалапин вон не стесняется! А этому – запаadlo?

– Кого вы боитесь, Кристина Станиславовна?

В его голосе прозвучало сочувствие, но она дала себе слово не попадаться на такие уловки. Мама давно объяснила: «Пока людям хочется тебя использовать, они будут прикидываться лучшими друзьями. А потом пошлют тебя на хрен и закопают!»

Но сейчас Кристина не видела другого выхода, нужно довериться этому красавчику. Даже если он сдаст ее Ивану, это все лучше, чем оказаться за решеткой... Только придется заново все начинать – искать стареющего богача, увести из семьи. Муторно все это.

Она собралась с духом:

– Я... Ну... У меня просто есть... другой парень.

– Любовник?

Ей почудилось или Артур и вправду оживился? Может, он сам не прочь занять его место? «Это обсуждается, – подумала Кристина с надеждой. – Хотя с мента что возьмешь? Но красивый, черт!»

– Ну, типа... Да.

– И вы...

– Ночью я с ним была. А Ивану сказала, что у мамы заночую. Он мне верит.

– А зря! Да, Кристина?

«Не хочет он меня, ни фига подобного, – поняла она. – Он же издевается надо мной!»

И чувствуя себя уже полной дурой, пробормотала:

– Я его тоже люблю.

Тон Логова изменился:

– Фамилия, имя, телефон.

Второй парень приготовился записывать. Набрав воздуха, Кристина задержала его лишь на секунду – поздняк метаться – и на выдохе произнесла все, что им хотелось услышать.

* * *

– Ее алиби подтвердилось. Кристина Кравченко не просто была у этого Валентина... Или у «Валентайна», она его так зовет! Они еще и home video сняли... Ну такое, знаете...

Артур уставился на него с веселым любопытством:

– Ты посмотрел?

Никитины щеки тотчас покрылись пятнами:

– Ну да. Мне же надо было убедиться, что Кристина действительно была у него в то время... которое нас интересует.

– Конечно-конечно. Убедился? И сколько раз?

– Была, – буркнул Ивашин. – Так что это не она задушила Влада.

Никита произнес это с понятным сожалением. Не будь у Кристины такого железобетонного алиби, можно было бы считать дело закрытым. Все ведь в наличии – мотив, возможность и средство. Бывшая пловчиха – чем не Русалка? Попыталась обмануть следствие, подсунув

ложное алиби. Ну, и главное: избавиться от Влада, единственного наследника строительной империи отца, ей было выгодно как никому. Если б не это паршивое порно, которое они снимали с Валентайном, все сошлось бы... Разве не круто для первого раза?!

– Она его утопила, – поправил Артур. – Вскрытие показало, что в легких полно воды, так что по факту он захлебнулся. Но для начала она его придушила, конечно...

– Может, он.

– Может, и он, – согласился Логов. – Русал...

Никита фыркнул: ну что за человек Логов? На него невозможно долго злиться... Хотя и не за что вроде...

– Что с лилией? – вспомнил Артур.

– Символ чистоты и невинности.

– Влад кого-то лишил невинности? Непохоже на него... Ни разу не мачо.

– По отзывам нет, – Никита перелистнул блокнот назад. – Все друзья твердили, что он был таким... милым парнем. Но та девушка, Наташа, помните?

На секунду прищурившись, Логов кивнул:

– Школьная любовь?

– Ага. Когда им еще было по семнадцать, она заявила, что Влад пытался ее изнасиловать.

– Прямо заявление подала?

– Ну да. Только до суда дело не дошло.

– Понятно, папа откупился.

Артур взял телефон:

– Поговорю-ка я еще раз с Машей Кавериной...

У нее даже щеки вспыхнули, совсем как у Никиты, когда Артур задал этот вопрос.

– Никогда, – отрезала Маша, глядя Артуру в глаза. – Никакой агрессии. Никакой жестокости. Может, я и не сходила по нему с ума... А я и не скрывала, да? Но я не стану на него наговаривать. Влад был хорошим. Очень добрым. А этой сучке...

– Наталье Артамоновой, – уточнил Логов.

– ...наверняка деньги были нужны. Она же потом в Питер умотала! Вот и выдоила их семью.

– Как вариант...

– Да точно, я вам говорю!

Они встретились в любимой кофейне Артура на Третьяковской, где было достаточно просторно, чтобы не слышать разговор за соседним столиком, и варили хороший кофе, без которого он переставал соображать. Ему нравилось, что за окном гуляли и улыбались люди, бегали дети, в фонтане струилась вода... Все это позволяло думать, что он возится с трупами не ради смерти, а ради жизни. Так Артур думал всегда, но в этом месте об этом не приходилось напоминать себе.

«С чего вдруг она так горячо заступает за Влада, – глотнув горячей горечи, подумал Артур. – Затосковала? Или пытается убедить меня в своей невинности?»

Он еще не сказал Оксане, что ее дочь по уши влипла в то дело, которое ему подкинули. Лучше было повременить, пока для него самого не прояснится хотя бы что-то... На скорый результат Артур особо не рассчитывал – версий возникло уже несколько, финансовые разборки со старшим Василенко в том числе. Почему нет? Если отца хотели припугнуть, это, пожалуй, удалось. Оперативники вовсю пробивали его партнеров и конкурентов – вдруг что-то отыщется?

И все же Артур не мог отделаться от ощущения, что бизнес Ивана не имеет отношения к делу. Лилия эта... В этом явно нечто личное. Или... замаскированное под личную месть.

– Ты как вообще? – спросил он рассеянно, заметив, что Маша как-то подавленно умолкла. – Справляешься?

У нее дернулись плечики, она быстро взглянула на него исподлобья:

– Вы маме не скажете?

– Нет, – охотно пообещал он.

Если это касалось их дела, Оксане совсем не обязательно было обо всем узнать.

– Я не сказала вам сразу... Может, надо было? Я... это самое...

– Беременна? – догадался Артур.

Она вздохнула:

– И что мне сейчас делать с этим ребенком?

– Когда ты узнала?

Ее взгляд слегка уплыл:

– Дня три назад, что ли...

– Тест делала?

– Ну, естественно! А как еще узнать?

– Выбросила?

Маша уставилась на него с недоумением:

– Кого?

– Тест.

Ее брови удивленно приподнялись – она не понимала, куда он клонит. Открыла сумочку, сосредоточенно покопалась:

– А, вот он!

Маша извлекла тонкую палочку с двумя едва заметными полосками, повертела перед глазами:

– Зачем я его таскаю?

– Чтобы мне показать, – Артур усмехнулся. – А он точно твой?

Ее лицо мгновенно собралось:

– Не поняла... Это вы сейчас о чем вообще?

– Беременность начисто тебя оправдывает. Тебе не было смысла убивать Влада, пока он еще не стал твоим мужем. А твой ребенок не стал законным наследником. Нужно было сперва родить его хотя бы...

– А вы меня все-таки подозревали? – Она хмыкнула с непонятым Артуру удовлетворением.

– Я всех подозреваю. Работа такая.

– Ничего личного, да?

Его взгляд опять утянуло кипение жизни за большим окном. Уже вечерело, женщины накидывали кофточки и палантины, появились мужчины в костюмах, возвращавшиеся с работы. Только мальчишки не ощущали прохлады – их загорелые коленки так и мелькали, когда они проносились мимо на велосипедах. И Артуру захотелось выскочить на улицу, запрыгнуть в седло и погнать, неистово крутя педали, куда глаза глядят – через реку, которая непременно дохнет в лицо свежестью. И потом по улочкам-переулкам, чтобы Москва обняла, как добрая бабушка, спрятала в уютном тепле... Зачем он отстранился от нее? Зачем выбрал работу, вынуждающую видеть только язвы на теле города?

– А маме это понравится?

Машин голос арканом затянул его обратно, приковал к кожаному диванчику. Подавив раздражение, Артур напомнил:

– Мы же договорились не посвящать маму в наши дела... Пока.

Она прищурилась испытующе:

– А потом вы ей все расскажете?

- После вынесения приговора.
- У нее испуганно дернулся подбородок.
- Кому?!
- Убийце.

Повернувшись к официанту, Артур небрежно махнул рукой. Но пока тот выписывал им счет, успел сказать Маше:

- Мне нужна официальная справка о наличии беременности от гинеколога. Хотя нет...
- Она тебе нужна. Сделаешь?
- Без вопросов, – отозвалась она серьезно.
- Официант сделал вид, что не слышал ни единого слова.

То, что Наталья Артамонова в эти дни находилась в Москве, было не очень-то хорошо для нее... Но для следствия стало настоящей удачей! Артур позвонил ей сразу после встречи с Машей, и ее низкий и серьезный голос поразил его контрастом. И самым удивительным было то, что Наташа оказалась в точности такой, какой он представил ее себе по голосу – темноволосяя «гимназистка» с длинной косой и спокойным умным взглядом.

«Как его отбросило-то, – подумал он о Владе с сочувствием. – Просто другой полюс... Видно, здорово любил ее. Неужели и впрямь пытался изнасиловать?»

Даже встретиться Наталья предложила там, где Логов не бывал со студенческих времен, в библиотеке. Она приехала в столицу для каких-то изысканий для диссертации и не хотела терять ни минуты.

– Или за ней нет вины, а Влад остался тенью юности, – сказал Артур помощнику. – Или Артамонова по-настоящему крепкий орешек. Расколоть такую будет непросто.

Никита пытался увязаться за ним следом, но Артур велел ему прошерстить соцсети Влада – вдруг всплывет что-то интересное... Слово «всплывет» прозвучало двусмысленно, но Логов расслышал это отголоском, уже выйдя из кабинета.

До Ленинки он решил дойти пешком – день был таким солнечным и тихим, что о машине даже думать не хотелось. К тому же идти два шага... Ему нравилось просто бродить по московским улицам, незаметно всматриваясь в лица прохожих и придумывая их жизнь. Совпадала ли она с реальной, узнать было не суждено, что Логова ничуть не огорчало, это было увлекательной игрой, не более того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.